

ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4

2013

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2013

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- 25-летие Кубинского ракетного кризиса 1962 года. Конференция американских и советских политиков и ученых в Вашингтоне 3

СТАТЬИ

- А.В. Майоров** — Монгольская угроза и христианский мир в середине XIII в. 34

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- И.Н. Селиванов** — Чан Нгок Дан 50

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Ю.А. Пелевин** — «Хождение в народ» 1874—1875 гг. 64

ПУБЛИКАЦИИ

- М.В. Фрунзе и И.В. Сталин.** Последние письма (октябрь 1925 г.). Публикацию подготовил **С.С. Войтиков** 98

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- Л.Н. Хаховская** — Шаманы и советская власть на Чукотке 113
- Н.Г. Валеева** — Казанский период жизни историка
Н.А. Попова 129
- И.Г. Семёнов** — Ранние этапы христианизации восточно-
кавказских гуннов 142

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Ю.И. Соусова** — Английская королева Мария Тюдор 152

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.Н. Птицын** — Словаки в России в XVIII — начале XIX в. 161
- М.С. Гуреев** — Кризис в Северной Ирландии в начале
1960-х гг. 167

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.В. Репников** — Р.Г. Гагкуев. Белое движение на Юге
России. Военное строительство, источники комплекто-
вания, социальный состав. 1917—1920 гг. 171
- Л.Н. Бровко** — Ю.В. Зудов. Церковь, государство и об-
щество в современной Дании 173

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

«Хождение в народ» 1874—1875 гг.

Ю.А. Пелевин

Истоки движения и его идейные вожди. «Хождение в народ» — движение радикальной интеллигенции в народную среду для распространения антиправительственной пропаганды. Это был важнейший этап в развитии народничества, во многом предопределивший ход революционной борьбы в России ¹.

Спорадические попытки обращения к народу с революционными призывами делались и раньше («Земля и воля» 1860-х годов, кружок Н.А. Ишутина, «Народная расправа» С.Г. Нечаева и др.). Но лишь через десять лет после отмены крепостного права появилась небывалая популяция интеллигентной молодежи, выступившая на активную борьбу с российским монархическим строем во имя трудового народа, то есть прежде всего крестьянства. Ни до того, ни после Российская империя не знала такого мощного молодежного движения.

Средний возраст этих людей в 1874 г. составлял 22—23 года. На место арестованных или отошедших от протестной деятельности приходили такие же молодые энтузиасты ². Силу и своеобразие их движению придавало обособление от остального общества. Молодые люди считали старшие поколения склонными к компромиссам и слабавольными и вызвались без их содействия, самостоятельно решать все наболевшие социально-политические вопросы, возложив на себя задачу и подвиг обновления русского мира.

Осень и зима 1873 г. отличались в Петербурге чрезвычайным оживлением учащейся молодежи. Почти ежедневно в том или другом конце города проходили студенческие многолюдные собрания, на которых шли дебаты — о страданиях крестьянского люда, его нищете, несправедливости и угнетении. Все соглашались, что такое положение народа в пореформенное время недопустимо, что свое слово должна сказать интеллигенция, которая перед ним в неоплатном долгу, ибо только благодаря трудовому народу образованная часть общества получила возможность приобщиться к знаниям и культуре. Главный поработоритель народа — царизм, и «пора, наконец, открыть народу глаза на причины этого зла и тем заставить его выйти из бездейственного состояния» ³.

По общему мнению, положение народа ужасно в экономическом и умственном отношениях, и обязанность честных людей — посвятить свою жизнь

Пелевин Юрий Александрович — кандидат исторических наук, профессор Государственного университета гуманитарных наук.

борьбе за уменьшение его страданий; нужно нести в народ проповедь социалистического учения⁴. Будущее счастье человечества безусловно связывалось с революцией, социализмом и анархией.

Сходки проходили во многих институтских городах, куда молодежь собралась после летних каникул. Но толчок был дан из Питера⁵. С изумительной быстротой появлялись все новые объединения учащихся: студенческие и гимназические кружки самообразования, землячества и коммуны.

Воззрения учащейся молодежи формировались под воздействием революционных демократов: А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.К. Михайловского, В.В. Берви-Флеровского и др., но подлинными властителями дум были М.А. Бакунин и П.Л. Лавров, сочинения которых поступали из-за границы. «Молодежь с жадностью набросилась на эти издания, как на источник живой воды, — свидетельствует О.В. Аптекман. — Программы вожаков революции дебатировались страстно как в кружках, так и на сходках»⁶.

Бакунин, один из идеологов анархизма, безапелляционно утверждал, что крестьянство давно готово к революции, к свержению царизма и установлению общинного социализма, что русский мужик всегда был «социалистом по инстинкту и революционером по природе»⁷. Он верил в «решительно враждебное отношение общины к государству» и в ее предназначение стать основной ячейкой социалистического строя в России. А задача интеллигенции сводилась даже не к пропаганде и агитации среди крестьян (они и без того революционны), а к тому, чтобы пропустить между ними «живой ток революционной мысли, воли и дела», помочь народу выплеснуть революционную энергию, в нем накопившуюся: «Народ наш явным образом нуждается в помощи. Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню. Но хотя и всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен, однако частных вспышек недостаточно. Надо поднять вдруг все деревни. Что это возможно, доказывают нам громадные движения народные под предводительством Стеньки Разина и Пугачева»⁸. Задача революционеров — немедленно поднять всероссийскую революцию, которая уничтожит всякую государственность и установит социалистическое общежитие на основе «свободных федераций» и рабочих ассоциаций.

Первопричину всех пороков общества Бакунин видел в государстве и призывал к полному уничтожению «всего, что называется политической властью»⁹. Он отвергал не только современные ему типы государственности, но вообще всякие властные формы управления в социалистическом будущем. В этой связи идеолог анархизма внедрял в сознание молодежи идею, что всякая организация революционеров в целях политической борьбы не только бесполезна, но и вредна: незачем бороться с самодержавием за политические свободы, конституцию, парламент — крестьянские бунты очень скоро перерастут в революцию, которая и установит истинную демократию.

Правда, в общем хоре восторженных бакунинских апологетов раздавались редкие голоса сомневающихся в правоте апостола анархического разрушения и в возможности всероссийской крестьянской революции. Например, «уроженец деревни, считавший себя знатоком крестьянской среды, И.Ф. Фесенко приходил чуть не в бешенство от известного утверждения М.А. Бакунина, будто «русский народ всегда готов к бунту». Не без едкой иронии он заявлял Л.Г. Дейчу: «По вашему убеждению, наш крестьянин, конечно, наделен всеми существующими в мире добродетелями. Он, понятно, добр, великодушен, альтруистичен, склонен к социализму с самых пеленок, революционер еще в утробе матери и прочее. Знаю, знаю все эти бредни, выдуманные Бакуниным». Не согласен был Фесенко и с бакунинской теорией анархии. Самым решительным образом против какой-либо революционной деятельности среди

крестьян высказывался А. Зунделевич. Он находил ее совершенно бесполезной. «К русским крестьянам он относился не только без всякого восхищения, но находил их грубыми, невежественными, нисколько не склонными ни к социализму, ни к революции»¹⁰. Но таких были единицы.

Лавров, лидер одного из основных народнических течений¹¹, в своем заграничном журнале «Вперед!», как и Бакунин, понимал «социальную революцию» в России как крестьянскую: выйдет она «не из городов, а из сел». Как и другие народнические теоретики, он видел в сельской общине ту основу, из которой разовьется социалистический строй¹². В отношении к государственности и политической борьбе Лавров был близок в начале 1870-х годов к анархическим взглядам, отрицая необходимость борьбы за демократизацию общества¹³. Однако Лавров в отличие от Бакунина признавал, что ни мужик, ни народническая интеллигенция, ни ее авангард — по его определению, «критически мыслящие личности» — не готовы к революции. Нужно долгое «подготовление» ее «путем развития научной социологической мысли и пропаганды социалистических идей в народе». Своих приверженцев он считал «подготовителями-пропагандистами». По Лаврову, в народ надо было идти не столько бунтовать, сколько просвещать и пропагандировать революцию.

Сходные суждения высказывал в 1873 г. Михайловский в письме Лаврову в ответ на его приглашение сотрудничать в журнале «Вперед!». Михайловский верил в скорую российскую революцию, но вместе с тем предупреждал: «Задача молодого поколения может состоять только в том, чтобы готовиться к тому моменту, когда настанет время действовать. Само оно бессильно его вызвать и будет только задаром гибнуть в этих попытках. А что момент настанет и даже, несмотря на теперешнюю реакцию, в более или менее близком будущем, это, по-моему, несомненно... Я, впрочем, не знаю, в какой форме придет момент деяния, но знаю, что теперь его нет, и что молодежь должна его встретить в будущем... не с игрушечными коммунами, а с действительным знанием русского народа и с полным умением различать добро и зло европейской цивилизации. Откровенно говоря, я не так боюсь реакции, как революции. Готовить людей к революции в России трудно, готовить к тому, чтобы они встретили революцию как следует, можно, и, следовательно, должно. В тот час, когда это станет невозможным — я ваш, несмотря ни на что, до тех пор — нет»¹⁴.

Главное практическое различие между двумя народническими доктринами верно подметил Н.А. Бердяев: Лавров «хотел поучать народ и ждал революции от этого поучения», Бакунин — «взбунтовать народ, не поучая его. Он верил в правду и силу неорганизованной стихийности»¹⁵.

Большинство активной молодежи было на стороне бакунинской доктрины, а сугубо пропагандистский уклон Лаврова воспринимался как отклонение от насущных революционных задач. Впоследствии в связи с усилившимся настроением активной борьбы в России Лавров несколько пересмотрел свою концепцию и стал добиваться от своей фракции «усиления ее боевого характера». Но широкой поддержки в радикальных кругах Лавров не получил и к концу 1876 г. отошел от руководства изданием «Вперед!»¹⁶.

Отношение бакунистов к установкам Лаврова выразил в двух письмах к нему С.М. Кравчинский: «Чтобы руководить революционным органом, нужно иметь революционный инстинкт. У вас этого инстинкта нет. Вы человек мысли, а не страсти, ну а этого недостаточно. Ваша партия — партия “слова”, мы же хотим “дела”». А суть дела состоит в доведении бунта до победоносной революции. И даже если бунт будет подавлен, он даст пример, возбудит социальные страсти, «которые принесут больше пользы, чем целые десятилетия успешной пропаганды». «Мы хотим действия более решительного, мы хотим

непосредственного восстания, бунта, — заявлял Кравчинский. — В ваше же словоговорение мы не верим, это одно толчение воды в ступе»¹⁷. Также и А.А. Кропоткин писал Лаврову, что следует оставить разговоры об идеалах будущего общества — их нельзя предвидеть. Нужен призыв к энергичным действиям, направленным на разрушение существующего строя, а дальнейшее покажет, что именно нужно создать.

Накануне. Под влиянием идеологов революционизированная молодежь двинулась «в народ». Этот лозунг «электрическим ударом» пробежал по массе молодежи, писал Аптекман, и она ожила. «Не то чтобы путь, указанный ей ее учителями из-за границы, был нов для нее — нет! Она, молодежь, раньше знала уже, что не миновать ей этого пути. Молодежь всегда тянуло, почти физически тянуло к народу... Народу надо помочь»¹⁸. И для выполнения этой задачи незачем углубляться в науку, знаний у интеллигентской молодежи достаточно, поэтому она бросает университеты и «идет в народ для выплаты ему накопившегося веками своего долга»¹⁹. По словам Льва Дейча, «от последовательного революционера требовалось решительно всем жертвовать ради народных интересов... Считалось даже предосудительным кончать учебные заведения, так как это дает, мол, возможность занимать “привилегированное положение”. Истинный революционер должен был “сжечь за собою корабли” и, после некоторой подготовки, отправиться “в народ”»²⁰. «Невзирая на всю очевидность противного, он твердо верил, — писал Кравчинский, — что не сегодня-завтра произойдет революция, подобно тому как в средние века люди иногда верили в приближение Страшного суда»²¹. Участие в движении осознавалось святым долгом каждого порядочного человека, любое уклонение от него расценивалось как предательство. В.К. Дебагорий-Мокриевич вспоминал: «Мы фанатически стояли на своем: “кто не с нами, тот против нас”, другими словами: кто не шел, как мы, в народ — тот был наш враг»²².

С весны 1873 г. началась массовая подготовка к революционному походу в деревню. Пора толкований и прений осталась позади, первоочередными стали практические вопросы. Самой крупной и деятельной народнической организацией того времени являлось «Большое общество пропаганды», или кружок «чайковцев», по имени одного из его организаторов Николая Чайковского. В кружок входили М.А. Натансон, С.С. Синегуб, Л.А. Тихомиров, Д.А. Клеменц, Н.А. Чарушин, Л.Э. Шишко, П.А. Кропоткин, С.Л. Перовская, С.М. Кравчинский и др. Хотя полиция разгромила организацию в начале 1874 г., ее члены, избежавшие ареста, приняли участие в «хождении в народ». Еще с осени 1873 г. они вели подготовительные работы в Петербурге, Москве и провинциальных городах.

По первоначальному замыслу, пропаганду в крестьянстве должны были вести революционизированные рабочие, в сущности, те же крестьяне, пришедшие в город для заработка²³. «Доступ в крестьянскую среду был бесконечно труден, — вспоминал Чарушин, — а городской идейный интеллигент, как бы он ни был революционно настроен, этой среды совсем не знал или знал очень мало; подойти к ней, не возбуждая к себе подозрения или недоверия, сумел бы далеко не всякий. Вот почему в самый первый период движения внимание по преимуществу сосредоточивалось на рабочем классе, в особенности на его фабричной части, еще не потерявшей связи с деревней». Подготовленные рабочие «естественно, могли быть и лучшими пропагандистами освободительных идей в крестьянской среде, где они были своими людьми, не возбуждавшими ни у кого никакого подозрения»²⁴. И «чайковцы» развернули сеть рабочих кружков. Таким образом, непосредственное соприкосновение революционеров с народом началось еще в городских условиях с пропаганды в рабочих кружках.

Однако простой рабочий люд оказался безнадежно необразованным. «Приходилось иметь дело почти с безграмотной средой» и «вместо прямого своего дела заниматься обучением грамоте и тратить на это силы, устраивая настоящие, но нелегальные школы грамоты». К тому же идеи социализма и революционизма были чужды пролетариям из деревни. «В соответствии с этим, — утверждает Чарушин, — как-то само собой менялись и наши задания в пропагандистской деятельности, отодвигая социализм как таковой»²⁵.

Агитация и обучение нарождавшегося рабочего класса продвигались туго. Подготовленных «из массы фабрично-заводских рабочих «сознательных единиц»»²⁶ было слишком мало для революционного возбуждения всего российского крестьянства, к тому же они и не собирались заниматься «пропагандой в деревне анархии и революции»²⁷.

Тогда возникла идея попробовать своими интеллигентскими силами начать пропаганду в деревне. Такую попытку предприняли в ноябре 1873 г. Кравчинский и близкий к «чайковцам» Д.М. Рогачев — два друга детства, два отставных офицера, молодые люди недюжинной силы. Они отправились в Тверскую губернию, в Новоторжский уезд, в село Андрюшино, где находилось имение их знакомого бывшего артиллерийского офицера Александра Ярцева, хорошо знакомого с «чайковцами», чем и объяснялся выбор места для пробной пропаганды. Кравчинский гостевал в имении с августа по конец сентября, присматриваясь к местам. А.В. Ярцев, либерально настроенный молодой помещик, одевался по-народному, занимался крестьянским трудом и вел с мужиками откровенные разговоры. «Ярцев, по собственному побуждению, пожелал опроститься, вел совершенно мужицкий образ жизни и сам работал на земле, вместе со своими батраками»²⁸. Осенью 1873 г. он продал крестьянам землю на чрезвычайно выгодных для них условиях. Такой самовольный передел помещичьей земли выглядел столь необычно и подозрительно, что им заинтересовались жандармы²⁹.

Сюда и прибыли 19 ноября пропагандисты — в простых дубленых шубах, с большими пилами и мешками книг. По утрам они пилили по найму лес в соседних деревнях, а вечерами на посиделках вели с крестьянами разговоры и читали агитационные книжки³⁰. «Иногда Сергей, знавший Евангелие почти наизусть, толковал его мужикам и доказывал стихами из него, что следует начать бунт, — писал П.А. Кропоткин со слов Кравчинского. — Иногда он толковал от великих экономистов. Крестьяне слушали пропагандистов как настоящих апостолов, водили их из избы в избу и отказывались брать деньги за харчи»³¹. Пропагандисты вызвали брожение в нескольких деревнях³². Один из слушателей на следствии показывал, что «о Боге они говорили хорошо» и что во Франции царя прогнали, и у нас так же будет³³. Иногда крестьяне высказывали надежду, «что скоро землю отберут от господ, которых царь возьмет на жалованье». Некоторые, возмущаясь полицейскими властями, утверждали: «Подождите, скоро придет наш черед. Не будете вы, иродово племя, верховодить над нами!»³⁴

Все складывалось как нельзя лучше. Были даже попытки устроить в имении Ярцева нелегальную типографию. Но через восемь дней, 27 ноября, отставной солдат донес на сомнительных пильщиков волостному старшине. Смутьянов арестовали и доставили волостное управление. И те же мужики, с которыми велись бунтовские разговоры, повезли их к становому приставу³⁵. По дороге в деревне Воронцово отмечали храмовый праздник. Арестанты и стража задержались на целый день: их водили из избы в избу и угощали брагой. Кравчинский же продолжал вести агитацию. Он вещал крестьянам «от Евангелия» о несправедливости на земле. Поселяне умилялись и жалели, что таких хороших людей везут в стан. К вечеру стража перепилась, и пришлось заноче-

вать в деревне. Ночью арестанты бежали, наняли за рубль мужика, и он отвез их в Торжок. А там агитаторы по «чугунке» отбыли в Москву.

Свою пропагандистскую попытку Кравчинский и Рогачев считали успешной, и было заявлено: «Задача решена! Можно и без помощников идти в народ! Нас отлично слушали и понимали крестьяне! Надо только научиться какому-нибудь ремеслу, одеться попроще, и тогда дело в шляпе! Эта мысль быстро облетела все центры, — свидетельствует М.Ф. Фроленко, — и началась подготовка всех к непосредственному хождению в народ»³⁶.

В народнических кружках, действительно, прислушивались к опыту «чайковцев» и делали далеко идущий вывод, что общение интеллигентов с крестьянами вполне возможно без посредничества рабочих. Впоследствии Кравчинский вспоминал, как двум героям-первопроходцам пришлось отвечать на многочисленные вопросы товарищей: что же такое этот могучий и загадочный народ? «И вопрошаемые, прошедшие уже раньше через те же муки сомнений и страха, рассказывали им с восторгом, что этот страшный народ — добр, прост и доверчив как дитя, что он встречает своих друзей не только без всякой подозрительности, но с распростертыми объятиями и открытым сердцем; что речи их выслушивались с глубочайшим сочувствием; что все, стар и млад, по окончании долгого трудового дня собирались вокруг них в какой-нибудь темной, закопченной избушке, где при слабом свете лучины они им говорили о социализме или читали какую-нибудь из захваченных с собой книжек»³⁷. Конечно, рассказы Кравчинского и Рогачева были окрашены в чересчур радужные тона, чего не скрывал и сам мемуарист. Скорее всего, друзья решили вселить уверенность в своих товарищей, что дело пропаганды среди крестьян пойдет успешно, и что немедленно нужно начать широкий поход в народ. Их слова воспринимались неопытной молодежью как победоносный призыв.

Однако начинающие пропагандисты в эйфории успеха не придали значения важным обстоятельствам. Пропаганда в селе Андрюшино велась с религиозной подоплекой: революционеров приняли за христианских проповедников, а на Руси всегда благоволили к каликам переходим. Но и при этом слишком быстро все закончилось крестьянским доносом и арестом «нигилистов», которым пришлось бежать и перейти на нелегальное положение.

Сам Ярцев, владелец усадьбы, был арестован в декабре, дал подробнейшие «откровенные показания» о кружке «чайковцев». Он рассказал жандармам все, что знал³⁸. Неудачный, в сущности, поход Кравчинского и Рогачева стал первым предупреждением, не услышанным возбужденной молодежью.

Было и еще одно серьезное и недоброе предупреждение — судьба Долгушинского кружка, одного из первых бакунистских сообществ (интеллигенты А.В. Долгушин, Л.А. Дмоховский, Д.М. Гамов, рабочий А. Васильев и др.)³⁹. «Чайковцев» они иронично называли «образованниками». Идея долгушинцев была «идти в массу народа и делать попытки бунта»⁴⁰. В обеих столицах и в Подмоскovie они предприняли сближение с народом еще в 1872—1873 гг., когда все остальные только говорили и спорили. В июле 1874 г., в разгар массового «хождения в народ», Особое присутствие Сената осудило долгушинцев на каторгу, где большинство их погибло. По авторитетному мнению С.Ф. Ковалика, они не оказали на движение никакого влияния⁴¹.

Были и другие настораживающие симптомы. Летом 1872 г. Софья Перовская под видом оспопрививательницы прошла по селам Ставропольского уезда Самарской губернии. В письме к А.Я. Ободовской она делилась своими безрадостными впечатлениями — о том, что крестьяне «перебиваются изо дня в день, ни о чем более не думая, точно мертвая машина, которую завели раз навсегда, и она так уже и двигается по заведенному... Единственный исход из этого положения — взяться за расшевеливание этого сна... а между тем для

этого у меня нет ни знаний, ни умения. К чему ни подойдешь, то все из рук валится»⁴².

Но общее настроение к весне 1874 г. было оптимистичное. Для похода «в народ» следовало опроститься, принять мужицкий вид. При этом, «чтобы иметь предлог для своего появления в деревне и не возбуждать подозрительности крестьян, пропагандисты считали нужным знать деревенские работы или какое-нибудь обычное в деревне ремесло»⁴³. «Трудящиеся массы, — рассуждали они, — относятся с вполне понятной подозрительностью к лицам, принадлежащим к привилегированным классам. Необходимо поэтому надеть на себя крестьянское платье... решительно во всем походить на рабочий люд — жить, как он, в той же обстановке, заниматься тем же тяжелым, но честным физическим трудом, вместе с народом переносить все его лишения, обиды и страдания»⁴⁴. Считалось, что «физический труд есть подлинное средство сближения с народом ради революционных целей»⁴⁵. Ковалик в феврале 1874 г. на сходках харьковской учащейся молодежи усиленно проводил мысль, что прежде чем идти «в народ», нужно обязательно овладеть ремеслом и уже в качестве работника отправляться по деревням и селам⁴⁶.

Александр Кропоткин утверждал, что «революционер должен разорвать свой дворянский паспорт окончательно, навсегда, сделаться крестьянином, мастеровым, фабричным и — пропагандировать»⁴⁷. «Мы старались тогда тщательно скрывать от крестьян наше происхождение: бросали свои дворянские документы и вместо них запасались подложными крестьянскими паспортами, — вспоминал Дебагорий-Мокриевич. — Европейские костюмы заменяли простонародными свитами и зипунами; дело у нас доходило даже до того, что при столкновениях с людьми мы корчили из себя неграмотных. Идя в народ и мечтая о слиянии с народной массой, мы находили нужным скрывать свое происхождение, предполагая, что в противном случае народ будет относиться к нам с недоверием... Первое свое путешествие мы совершали почти что в рубищах. Мы сами с сочувствием и с соболезнаванием смотрели на рубища, и нам казалось, что и народ встретит нас также с сочувствием»⁴⁸.

Чтобы обучиться ремеслу, одни поступали на фабрики и заводы с помощью распропагандированных рабочих, другие, большинство, постигали сапожное, столярное, слесарное дело. В разных концах Петербурга, на Выборгской, Петербургской сторонах, на Васильевском острове в Измайловском полку и других местах, открывались учебные мастерские под руководством тех же разгитированных рабочих. Первая в Петербурге крупная мастерская (слесарная) была устроена в ноябре 1873 г. Шишко и А.О. Лукашевичем в квартире близкого к «чайковцам» В.А. Богомоллова на Малой Невке⁴⁹. Мастерская стала «своего рода революционным клубом», где встречались и обменивались планами представители различных кружков⁵⁰.

В Москве один из лидеров движения, П.И. Войнаральский, бывший помещик и мировой судья⁵¹, пожертвовал на революцию все свое состояние — 40 тыс. рублей. На свои деньги он открыл пропагандистско-учебную обувную мастерскую с большим числом учеников, которые часто менялись⁵². Мастерские действовали также в Спиридоновке, на Девичьем поле, Пресне, Плющихе⁵³. Мастерскими «чайковцев» в Бутырках и на Плющихе руководил сапожник финн Иоганн Пельконен, распропагандированный Иваном Селивановым⁵⁴. И все же «очень немногие из собиравшихся в народ в 1874 г. изучили какое-либо ремесло»⁵⁵.

Мастерские одновременно были и коммунами. Устраивались они почти на один манер. «Зайдем в такую мастерскую, — предлагает Аптекман. — Небольшой деревянный флигель из трех комнат, с кухней, на Выборгской стороне. Скучная мебель. Спартанские постели. Запах кожи, вара бьет в нос. Это —

сапожная мастерская. Трое молодых студентов сосредоточенно работают. Один особенно занят прилаживанием двойной толстой подметки к ботфортам. Под подошву надо спрятать паспорт и деньги — на всякий случай. У окна, согнувшись, вся ушла в работу молодая девушка. Она шьет сорочки, шаровары, кисеты для своих товарищей, собирающихся на днях идти в народ. Надо торопиться — и иголка так и мелькает в воздухе. Лица — молодые, серьезные, бодрые и ясные. Говорят мало, потому что некогда. Да и о чем разговаривать? Все уже решено, все ясно как день. То же самое и при встречах на улицах. Лаконические вопросы: «куда направляетесь? куда едете?..» и такие же ответы: «На Волгу! на Урал! на Дон! на Запорожье!» И т.д. и т.д. в этом роде»⁵⁶.

Типы «хожденцев». Основной состав «хожденцев в народ» происходил из учащейся молодежи, студенческие «кружки самообразования доставили главный контингент пропагандистов»⁵⁷. Это были не столько зрелые личности со сложившимся революционным воззрением, сколько студенты, гимназисты, бурсаки, которые делали лишь первые шаги на пути протеста. Их взгляды не отличались устойчивостью, а юношеское воодушевление зачастую угасало при первых реальных трудностях.

В общий лозунг «В народ!» вкладывался разный смысл. Обмен мнений разделил участников движения на две группы: радикалов, занимавших революционную позицию, и сочувствующих⁵⁸. Например, в московском «чайковском» кружке О.Г. Алексеевой радикалами считались «люди дела», последовательные в своих убеждениях и готовые ради них на жертвы. К сочувствующим либералам относили сторонников, ограничивавшихся оппозиционными разговорами⁵⁹.

Сами радикалы, в свою очередь, делились на две большие фракции — лавристов («пропагандистов») и бакунистов («бунтарей»). Чарушин выделял в среде радикальной разночинной молодежи четыре направления. Лавристы призывали идти в народ, но лишь готовить его к освобождению. При этом требовалась полная самоотдача. Бакунисты же возражали против длительной пропаганды. Л.М. Щиголев, член бакунинского земляческого кружка «оренбуржцев» в Петербурге, на следствии показывал: «Подготовлением народа к восстанию против существующего порядка мы предполагали заняться немедленно же и для этого порешили не продолжать занятий наукою и отправиться в народ... Задачею нашею было выяснить крестьянам худое их настоящее положение и указывать им на возможность устроиться в общем равенстве, без привилегированного класса»⁶⁰. Бакунисты требовали немедленных действий: бунты должны были возбудить народные массы лучше всякой пропаганды и книжек. Некоторые последователи Бакунина шли дальше, уверяя, что народ нечему учить, он давно готов для выступления и поэтому стоит только зажечь спичку, как вспыхнет всенародный пожар! Клеменц окрестил их «вспышкопускателями», но они имели «немало последователей, особенно среди зеленой и нетерпеливой молодежи»⁶¹. «Вспышкопускатели» верили, что «любой бунт всегда полезен». Такие настроения преобладали среди молодежи в южнороссийских губерниях.

Между тем многие «хожденцы» идейно не определились. Среди интеллигенции были распространены взгляды и Бакунина и Лаврова, но большинство, по словам Фроленко, «выбирало и у того и другого лишь то, что ему нравилось и соответствовало его планам»⁶². Были и такие, кто собирался идти «в народ» с целью ознакомиться с его жизнью, бытом и настроениями (по мнению Ковалика, «это течение не было обширным»⁶³).

Для некоторой части интеллигентов движение имело не столько политический, сколько нравственный смысл: начать простую и трудовую жизнь, содействуя привнесению «справедливости в общественные формы»⁶⁴. По Крав-

чинскому, «хождение в народ» обрело «заразительный всепоглощающий характер религиозных движений. Люди стремились не только к достижению практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения»⁶⁵.

По словам Клеменца, были «энтузиасты, которые считали грехом пользоваться благами жизни, когда народ живет в нищете. Другие шли в деревню посмотреть на народ, о котором так много говорили в Петербурге. Были и довольно примитивные фанатики, которые думали, что стоит им забраться в деревню, и она сразу пойдет за пропагандистом... Все это, конечно, было в большинстве случаев мало продумано... Были люди, которые шли в деревню с определенной целью работать среди крестьян в качестве фельдшера, акушерки, волостного писаря или даже деревенского торговца»⁶⁶.

При этом бакунизм и лавризм не исчерпывали идейных течений народничества, но «всех представителей движения объединяла общая цель — узнать народ, сблизиться с ним, выяснить его настроения»⁶⁷. А для этого надо было отрешиться от многого: оставить учебные заведения, отказаться от интеллектуальных и культурных запросов, от привычного и удобного городского обихода, расстаться с родными и близкими, чтобы погрузиться в гущу дремучей и неведомой крестьянской жизни. Это означало «отречение от многого очень привычного и дорогого, переход к очень трудной и тяжелой роли, — утверждал Шишко. — Только огромное революционное одушевление, связанное с представлением о заветных трудовых идеалах, скрытых в народных массах, делало эту задачу выполнимой»⁶⁸.

Пропагандистская литература. Для пропаганды в деревне народники запасались литературой, «направленной на ниспровержения существующего в России государственного строя»⁶⁹ и специально предназначенной для народа⁷⁰, она считалась эффективным средством воздействия на сознание крестьян⁷¹.

Об издании нигилистической литературы позаботились прежде других «чайковцы»⁷². По словам Тихомирова, «у них были огромные связи, деньги, масса изданий». Они распространяли книги по заниженным ценам, часто себе в убыток, восполняя дефицит сбором пожертвований⁷³. Поначалу кружок попытался использовать легальные типографии, но это затруднялось цензурными и полицейскими условиями. В таких книжках нельзя было затрагивать важнейшие для пропаганды проблемы революции и социализма.

В 1872 г. «чайковцы» открыли свою типографию в Женеве⁷⁴. С марта 1873 г. ею руководил Л.Б. Гольденберг. В числе первых книжек была выпущена «История одного французского крестьянина» — переделка известного исторического романа Эркмана—Шатриана⁷⁵. Но главным образом «чайковцы» печатали свои собственные сочинения: «Сказку о копейке» Кравчинского, «Что-то, братцы, как тяжко живется нашему брату на Русской земле!» Шишко, «Сборник новых песен и стихов» Клеменца и Синегуба и др.

В таких произведениях, написанных в псевдонародном стиле, часто использовались фольклорные, сказочные мотивы, чтобы доходчиво, как полагали революционеры, доказывать необходимость «ниспровержения существующего строя», внушать мысль, что от царя и господ нельзя ждать облегчения своего положения, что все царские благодеяния фальшивы, а «дарование воли» в 1861 г. — обман. Антимонархические издания «чайковцев» развенчивали мнимую «божественную» природу царской власти, а некоторые имели антиклерикальный характер, как, например, повествование «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды или природы» Берви-Флеровского. Герой этой псевдорелигиозной брошюры святой Никола возмущался несправедливостями на русской земле и стал проповедовать революцию.

В 1873 г. была отпечатана «Сказка о четырех братьях», написанная Львом Тихомировым с изменениями Петра Кропоткина. Брошюра впоследствии неоднократно переиздавалась, в ней говорилось о тяжелом и несправном положении крестьян, которые должны осознать необходимость борьбы со своими угнетателями. Резкому обличению подвергнуто было духовенство и лицемерные монастырские порядки.

Всего за 1873—1876 гг. «чайковцы» издали в женеvской типографии 17 наименований, некоторые — тиражами в 10—15 тысяч ⁷⁶. Агитационные книжки печатали и другие народнические издательства за границей. Лавровский журнал «Вперед!» в Цюрихе (после марта 1874 г. в Лондоне) размножил ряд популярных памфлетов: В.Е. Варзара «Хитрая механика»; А.И. Иванчина-Писарева «О смутном времени на Руси» и «Внушителя словили»; Кравчинского «Сказка Мудрицы Наумовны» и «Из огня да в полымя». Женеvская газета «Работник» придерживалась отчасти бакунинской ориентации, изданные ею брошюры «О правде и кривде» Кравчинского, «Работник. Рассказы для народа» Иванчина-Писарева были рассчитаны на крестьян, промышленных рабочих, ремесленников ⁷⁷.

«Чайковцы» несколько месяцев использовали легальную типографию И.Н. Мышкина, впоследствии известного революционера, в Москве для издания подпольной литературы ⁷⁸. В его типографии осенью 1873 г. удалось отпечатать бесцензурные книжки тиражом в несколько тысяч. Здесь же изготовляли фальшивые паспортные бланки для уходящих в народ.

В народнических изданиях «преступное содержание» скрывалось под безобидными названиями; в них указывались фиктивные выходные данные, на внутренней стороне обложек проставлялись ложные сведения об издании: «Одобрено цензурой» или «С благословения Святейшего Синода». Например, брошюра «О правде и кривде», где со ссылками на историю христианства утверждалось, что у народа три врага — попы, царь и богатеи, была оформлена следующим образом: «Слово на Великий Пяток преосвященного Тихона Задонского Епископа Воронежского. О правде и кривде». Изд. 5-е, отпеч. в тип. Духовной академии. Киев. 1875», с пометой: «Одобрено духовной цензурой».

Из-за границы книги удавалось доставлять по Варшавской железной дороге через Вильно, эта «артерия» действовала под наблюдением «чайковцев» В.Л. Перовского и А.М. Эндаурова, правда, была скоро перекрыта ⁷⁹. Морской путь — через Кенигсберг — тоже вскоре был обнаружен жандармерией. Книжную контрабанду «чайковцы» наладили и через Одессу, с помощью евреев-контрабандистов ⁸⁰. Нелегальными путями, проложенными «чайковцами», пользовались и другие народнические кружки: Ф.Н. Лермонтова, И.И. Каблица, «Киевская коммуна» и др., но у них имелись и свои связи с контрабандистами ⁸¹.

В.Н. Фигнер свидетельствовала, что транспорт литературы из-за границы «был правильно организован и действовал регулярно — никогда народники-пропагандисты не жаловались на недостаток книжек для народа». «Каждый кружок по своему усмотрению выбирал книги для распространения в народе, — писал Ковалик. — Одни из деятелей, придававшие наибольшее значение устной пропаганде, набирали мало книг, другие, наоборот, запасали их в большом количестве. Кроме того, независимо от субъективного отношения к книжной пропаганде, революционеры всех оттенков старались снабжать обильно книгами такие места, которые должны были служить центрами пропаганды» ⁸².

Место и время революции. Для своей деятельности молодые революционеры старались выбрать те места, где когда-то уже проходили народные движения — Пугачева, Разина, гайдаматчины. Казалось, в этих регионах должен был сохраниться дух вольницы, протестные традиции. «Мы полагали, что, где один

раз происходило революционное движение, — писал южный “бунтарь” Дебагорий-Мокриевич, — легче могло возникнуть во второй раз, и потому решили, не разбрасываясь по всей России, сосредоточить наши силы в таких именно местностях, которые имели известное историческое прошлое». Одни должны были действовать на Дону, другие — на Волге. «Вызывая стачки и местные бунты, во время которых обыкновенно выдвигаются из массы более смелые и энергичные личности, мы думали таким образом наметать годных для дела людей и привлекать их в революционную организацию. А раз вспыхнуло бы восстание в одной местности, мы надеялись, что оно подобно пламени распространится и охватит всю Россию... История нас учила, что революции не происходили сразу, а почти всегда начинались с отдельных незначительных бунтов, только постепенно переходивших в обширные восстания... Подобно тому, как путем упражнения развиваются силы и способности отдельного организма, так и весь народ, рассуждали мы, подготавливается к революции только путем упражнения своих революционных чувств и способностей. “Кто любит народ, тот водит его под пушки”, сказал кто-то из известных революционеров, и мы придерживались этого взгляда»⁸³. Деятельность интеллигенции, по убеждению А.А. Кропоткина, следовало направить на организацию «мятежного войска»⁸⁴, бакунисты рассчитывали на «самопроизвольную, стихийную волну крестьянских восстаний»⁸⁵.

П.А. Кропоткин вынашивал замысел создания местных повстанческих отрядов по всей стране. При обсуждении в кружке «чайковцев» своей программной записки «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?» он, по свидетельству Чарушина, «предлагал и горячо защищал идею организации боевых крестьянских дружин для открытых вооруженных выступлений, чтобы они своей кровью лучше запечатали в уме и сердце народа эти проявления народного протеста и таким путем постепенно революционизировали массы. Но предложение это, как несвоевременное, не встретило ни поддержки, ни сочувствия»⁸⁶. В своей «Записке» Петр Кропоткин уделил много места проблеме народного насилия и цены социалистической революции. «Без рек крови, — писал он, — социальный переворот не совершится... А, впрочем, эти первые реки, может быть ручьи, льются уже теперь... может быть, для нас нет лучшего исхода, как самим утонуть в первой реке, прорвавшей плотину»⁸⁷.

Петр Кропоткин при участии Кравчинского и В.Ф. Костюрина даже составил общий план разжигания крестьянской войны: объединить наиболее боевых революционеров из Петербурга, Одессы и других городов в вооруженный отряд до 100 человек, выбрать регион, где свежа память о Стеньке и Пугачеве, и двинуть повстанческое крестьянское войско на Москву, поднимая по дороге мужиков на помещиков и царских чиновников. Некоторые «шли уже выбирать позиции для будущей артиллерии»⁸⁸.

Поднять в стране скорую и массовую революцию казалось делом простым. Либерал и публицист И.П. Белокопский делал арифметические расчеты: «Через самое короткое время совершенно легко распропагандировать всю Россию. Пусть каждый пропагандист распропагандирует в месяц троих лиц, что вовсе, казалось, не трудно. В год получится головокружительная цифра. Лично у меня составлена была такая табличка: январь — я сам + 3 распропагандированных мною = 4; февраль — каждый из четырех пропагандистов по 3 = 12; март (12х3) = 36; апрель (36х3) = 108; май (108х3) = 324; июнь (324х3) = 972; июль (972х3) = 2916; август (2916х3) = 8748; сентябрь (8748х3) = 26 244; октябрь (26 244х3) = 78 732; ноябрь (78 732х3) = 236 196; декабрь (236 196х3) = 708 588. Таким образом, работа одного пропагандиста даст в год 708 588 последователей. В России во всяком случае найдется 100 пропагандистов, — получится в год 70 858 800 распропагандированных! И дело кончено!»⁸⁹.

Мало у кого вызывало сомнения, что всероссийское восстание всколыхнется в самом скором времени. Приводились такие расчеты: сто лет отделяло разинское движение от пугачевского, следующие сто лет приходились на 1870-е годы. Потому близок час массового выступления крестьян, ограбленных реформой 1861 г. и доведенных до нищеты⁹⁰. Был и еще один катализатор немедленного действия — свирепый голод, поразивший в 1873—1874 гг. почти треть европейской России, и особенно сильно Поволжье с центром в Самарской губернии.

Сроки всероссийской революции определялись конкретно и оптимистично. По воспоминаниям Дейча, «время, когда народ из состояния нищеты, невежества и унижения перейдет, благодаря проповеди молодых энтузиастов, в царство свободы, довольства и просвещения, представлялось многим из них столь близким, что они готовы были ожидать его наступления чуть ли не через несколько лет»⁹¹. Самые горячие и нетерпеливые головы «революцию ждали кто «по весне», кто «по осени»; иные даже думали, что она произойдет сейчас»⁹². Такой революционный прогноз разделяли отнюдь не все. Но царизм падет скоро, в этом никто не сомневался: примерно года через два-три⁹³. В любом случае «никак не позднее, чем через три года — таково было мнение многих», — вспоминал Фроленко. Были и долговременные предсказания. Как ни странно, нетерпеливый Николай Морозов полагал, что революция будет через десять лет, а Иванчин-Писарев ему возражал: ждать более четырех лет он не согласен, в крайнем случае пять⁹⁴. Правда, в кружке «чайковцев», стоявшем особняком, предостерегали от увлечений и убеждали, «что начатое им дело потребует длительной подготовительной работы многих поколений революционных деятелей»⁹⁵.

Весной 1874 г. молодые народники отправились по селам и деревням Поволжья, Урала, Украины, Закавказья и других регионов европейской России. Не охваченной осталась Сибирь. Как заметила участница оренбургского кружка М.И. Веревошкина, «здесь мы нужнее, а там еще будем»⁹⁶. Уходили в народ группами до 20 человек, но чаще по двое или в одиночку.

«Без руля и без ветрил». Общая организация и руководящий центр движения отсутствовали⁹⁷. В какой-то степени это была реакция на нечаевскую «Народную расправу» с иерархией кружков и жестким централизмом, замешенным на мистификации. К методам Нечаева относились крайне отрицательно и как огня боялись «генеральствования» в своих кругах.

Г.В. Плеханов в свое время называл характерной особенностью движения «отсутствие организации», а Клеменц — стихийность⁹⁸. Члены разрозненных кружков действовали по своему усмотрению и в меру своих возможностей. «У них не было ни общего руководящего центра, ни единства в понимании задач “хождения в народ”, — утверждал Аптекман. — Эта революционная молодежь, полная веры в народ и в свои собственные силы, охваченная каким-то экстазом, потянулась в далекий неведомый путь»⁹⁹. В мае 1874 г. помощник главного начальника III отделения Н.В. Левашов в конфиденциальном письме министру внутренних дел А.Е. Тимашеву отмечал отсутствие в новом движении определенной и замкнутой организации. «Правительство, — писал он, — имеет дело не с отдельным числом лиц, соединенных каким-либо уставом, а с идеями; лица же, порознь или случайными группами, служат только проводниками и орудиями распространения этих идей, как осязательной внешней связи между собою»¹⁰⁰.

Правда, попытки объединить движение были предприняты Коваликом. Весной 1874 г. он созвал в Петербурге представителей разных политических ориентаций и предложил создать на летнее время некий центральный орган для координации «взаимной помощи и направления деятельности кружков к еди-

ной цели»¹⁰¹. В центральный орган вошли по одному представителю от каждого кружка. Однако, как свидетельствовал Ковалик, такой «представитель принужден был отказаться от главного дела, к которому стремились революционеры, — пропаганды и агитации в народе, и зарыться во второстепенные, как казалось многим, мелочи. Поэтому представительство являлось своего рода жертвой, которую приносил кружку единичный его член».

Кружки избегали выдвигать в представители своих лидеров, «считая более полезными на главном посту — в народе. Чтобы согласить противоположные интересы, кружок иногда назначал своим представителем человека, не примкнувшего к нему окончательно, но связанного с членами его личными отношениями и единством мирозерцания». Н.К. Бух, избранный от самарского кружка, писал в «Автобиографии»: «Функции центрального кружка были лишены жизненности, кружки не считались с мнением своих представителей, не присылали и не могли присылать им отчетов о своей деятельности. Мы чувствовали себя не у дел и рвались к непосредственной работе в народе»¹⁰².

Делегаты съезда учредили почти единогласно общую кассу «с целью помогать всем работающим в народе, без всякого различия направлений и организаций, к которым они принадлежат». По мысли Ковалика, касса должна была стать зачатком общенароднической организации. Фонд кассы составлялся из взносов кружков в размере 10% от их капиталов. Возглавила кассу комиссия: Ободовская от «чайковцев», незадолго перед тем выпущенная из Петропавловской крепости, М.А. Рабинович от кружка Лермонтова и Н.И. Паевский от кружка Ковалика. Существенными суммами касса за все краткое время своего существования не располагала. Показателен такой эпизод: когда в кассу обратился за помощью товарищ Буха, просивший выслать ему на фабрику немного денег, это было исполнено из личных средств самого Буха¹⁰³.

Влияние и связи петербургского центра с кружковцами, ушедшими «в народ», оказались чрезвычайно слабыми или вовсе отсутствовали. Л.М. Щиголев на допросе свидетельствовал: «Центра движения я не знал и не знаю. Я, а равно товарищи мои, ни от кого не получали указаний ни относительно местности, где следовало нам действовать, ни относительно формы и самого порядка действий. Книг для раздачи в народе мы не получали, но каждый из нас покупал их на свои деньги... Кассы в буквальном смысле слова нет и не было, но если представлялась кому-нибудь необходимость в деньгах, то он прямо брал у других. Сборов на пропаганду и на наше содержание не было»¹⁰⁴.

Центральная группа самоликвидировалась в конце мая, в самом начале «хождения», ибо ее члены почувствовали себя не у дел и разъехались из столицы «в народ». Все дела были переданы Ободовской¹⁰⁵, которая не могла одна координировать действия многочисленных кружков, тем более что была привлечена к дознанию по делу долгушинцев и в июле 1874 г. предана суду.

В Москве «чайковцы» предложили Н.А. Морозову остаться вместе с Алексеевой на лето в городе в качестве центра, через который ушедшие «в народ» могли бы сноситься друг с другом. Морозов наотрез отказался, он «начал отбиваться от подобной ужасной перспективы и руками и ногами»¹⁰⁶.

Но своеобразным центром на короткое время стала квартира Алексеевой¹⁰⁷. Красивая, полная энтузиазма к социалистическим идеям, она приковывала к себе внимание окружающих. Само собой получилось, что ее квартира на Моховой превратилась в сборный пункт участников движения¹⁰⁸. Здесь побывали Д.А. Аитов, К.К. Блаудзевич, М.А. Гриценков, Иванчин-Писарев, Кравчинский, Шишко, Рабинович, член киевского кружка Л.А. Тетельман. В это напряженное время у нее собирались виднейшие организаторы «хождения в народ»: Ковалик, Клеменц и Войнаральский¹⁰⁹. Морозов вспоминал о собраниях на Моховой: «Нигде не чувствовалась сильнее, чем в этом пункте, вся

сила начинающегося движения. Один за другим, и отдельными лицами, и целыми группами, являлись все новые и новые посетители, неизвестно какими путями получавшие всегда один и тот же адрес — О.Г. Алексеевой. Пробыв сутки или более, они уезжали далее, провожаемые поцелуями, объятиями и всякими пожеланиями, как старые друзья и товарищи, идущие на опасный подвиг»¹¹⁰.

«Тем не менее мысль о необходимости организации, — по словам Ковалика, — не чужда была даже самым юным революционерам. Лидеры движения хорошо поняли это и сделали попытку к некоторой зачаточной организации». Они «прежде всего старались связать крепкими узами дружбы и единомыслия членов своих собственных кружков и тем придать им вид организованных групп»¹¹¹. Связи между кружками поддерживались благодаря обмену информацией и личным знакомствам¹¹². Большая организованность кружков создавалась в местных масштабах — благодаря таким руководителям, как Войнаральский и Ковалик. Они объединяли в губернских городах местных и приезжих пропагандистов, чтобы направить их в намеченные пункты. Но это были отдельные попытки, в целом же «хождение в народ» шло самотеком, оставаясь произвольным и разобщенным, каждый кружок «действовал совершенно самостоятельно, по своей инициативе», — вспоминал А.Н. Бибергаль. «В период пропагандной деятельности никакой организации сил не было. Личности же более близкие между собою, действительно, старались занимать места вблизи друг друга»¹¹³, — отмечал Квятковский. На юге происходило то же самое, Дебагорий-Мокриевич писал, что движение «далеко не было централизованным и прошло широким неорганизованным потоком». Сохранились и весьма резкие высказывания по поводу недостатка координации, П.Б. Аксельрод указывал на «непростительно безалаберный характер нашего “хождения в народ”, походившего скорее на пилигримство верующих, легкомысленных толп из мужчин, женщин и детей к святым местам, чем на серьезно обдуманное дело сознательной организованной революционной партии»¹¹⁴.

Пропаганда «летучая» и «оседлая». Пропагандистская деятельность среди крестьянства делилась, как тогда говорили, на «летучую» и «оседлую». Одни революционеры ходили по деревням и селам, заводя с крестьянами разговоры и безнадежно пытаясь подбить мужиков на бунтовские акции. Они «шли с инструментами за плечами... ища якобы работы. А не то, как коробейники пробирались с одной ярмарки на другую; говорили, раздавали, иногда разбирали брошюры, небольшие книжки, присматривались, прислушивались к мужику, стараясь определить, насколько он враждебен к правительству, бродит ли в нем самая мысль о бунте, о том, чтоб установить более справедливый порядок. Старались натолкнуть на эту мысль, навести его на такой вывод»¹¹⁵.

От «летучего» агитатора требовалась находчивость и смекалка, чтобы во всяком пустом разговоре найти подходящий повод для пропаганды. Для этого нужно было основательно знать народный быт. Этот способ более-менее успешно практиковали Рогачев, Ковалик, Кравчинский, Клеменц, Войнаральский, М.Д. Муравский. Они в своей среде считались знатоками крестьянства.

«Летучая» пропаганда, по самому существу своему, — писал Ковалик, — не могла иметь задачей не только последовательного просвещения народа, но и систематического его революционизирования — она стремилась внести революционное брожение в широкие слои населения. Пропагандист не считал потерянным время, если ему удавалось возбудить в своих случайных собеседниках — крестьянах или рабочих — какую-нибудь отдельную революционную мысль или даже только усилить существующее у них недовольство своим положением. С этого положения обыкновенно и начинались разговоры: отсюда легко было перейти к эксплуатации крестьян помещиками, к притеснениям купцов,

к злоупотреблениям чиновников. Если все эти стадии беседы проходили удачно, то пропагандист переходил к оценке верховной власти и доказывал, что она, в лице царя, является покровителем всех тех, кто угнетает народ. В результате собеседники призывались к самостоятельности, к борьбе всем миром с кулаками, помещиками и чиновниками!». Именно такую беглую пропаганду предпочитала молодежь в своем большинстве ¹¹⁶.

Для «летучих» пропагандистов были попытки основать перевалочные пункты, из которых они могли бы совершать вылазки в народ ¹¹⁷. Войнаральский и другие предприняли создание сети таких пристанищ. К тому же этим облегчалась переписка и вообще сношения между разрозненными участниками движения.

Центром пропаганды в Поволжье Войнаральский избрал Саратов, где на его средства и при участии «чайковцев» была открыта в мае 1874 г. башмачная мастерская ¹¹⁸. Мастерская стала явкой для многих участников движения разных идейных течений. Здесь же находился книжный склад изданий типографии И.Н. Мышкина и брошюровочная. Здесь же хранились фальшивые печати и паспорта. Однако из-за плохой конспирации подпольщиков мастерская вскоре была раскрыта полицией.

Революционеры, предпочитавшие «оседлую» пропаганду, приискивали постоянное место для ведения долговременной работы в округе — в домах родных или знакомых, чаще всего помещичьих усадьбах, на квартирах у сельской интеллигенции. «Оседлые» пропагандисты старались занять определенное положение в деревне, потому нанимались в работники, пристраивались в кузни, в мастерские кустарей. Немногие владевшие нужной на селе профессией занимали должности учителей, фельдшеров, торговцев.

«Чайковцы» считали более эффективной постоянную пропаганду. Петр Кропоткин в своей «Записке» объяснял, что если восстание не предвидится в скором времени, то «вести пропаганду открытую, повсеместную, обращенную ко всем и каждому — нельзя, да и незачем. Ходить по деревням, сеять на ходу мысль о необходимости восстания, производить мимолетное впечатление (допустим, что человек находится в таком положении, при котором его слушают) мы считаем бесполезным... Всякое кратковременное впечатление в этом направлении не будет прочно: оно очень скоро изгладится, если та же мысль впоследствии не будет постоянно поддерживаться местными народными агитаторами... Поэтому мы считали бы более полезным оседлое влияние» ¹¹⁹. Как потом выяснилось, долговременная агитационная работа оказалась эффективней «летучей» пропаганды, но не намного: фактический результат был один и тот же...

Радикальный интеллигент и мужик. Первое, что обескуражило молодых энтузиастов в начале массового «хождения», это отсутствие интереса к ним крестьянского люда. Их никто не ждал и ничего от них не хотел. Сказывалось незнание деревенской жизни, в которую они пытались войти и тем паче коренным образом ее изменить. Все сведения о народном мире черпались из книжек и журналов. «А русская литература представляет в этом отношении, — констатировал в следственных показаниях Квятковский, — материал совершенно ничтожный как по своему количеству, так и по ошибочному, неправильному взгляду». Мировоззрение, общественные и бытовые стороны жизни народа, его желания, стремления «были для пропагандистов terra incognita. Неумение сойтись, сблизиться с ним, заставить себя понимать — с одной стороны, с другой — недоверие мужика к новому незнакомому ему человеку, особенно такому, каким явился ему интеллигентный человек в сермяге и в роли простого человека» ¹²⁰.

Мужики зачастую не понимали и не принимали «смутьяна», неведомо откуда и зачем пришедшего в их деревню. Лукашевич, прошедший вместе с Аитовым весной и летом 1874 г. по Владимирской и Нижегородской губерниям

без всякого успеха, в мемуарах писал, что подобные прохожие вызывали у крестьян подозрения. Кто побогаче, те прямо отказывали в ночлеге без всяких разговоров и бесцеремонно высказывались о вороватости таких гостей. В самые бедные избы пускали, но почти всегда после тщательных расспросов, откуда и куда идут путники и с какими намерениями ¹²¹.

Перед народником в попытках сблизиться с крестьянами возникали серьезные препятствия, вставала извечная интеллигентская проблема, как расположить к себе простолюдина. «Мое мирозозерцание — одно, — размышлял Аптекман, — мирозозерцание народа — иное. Два порядка идей, два типа мышления, не только противоположных, но противоречивых, исключających одно другое» ¹²².

Агитаторам недоставало подготовки к крестьянскому быту и труду. А.И. Баранников на следствии показывал: «Беда была в том, что на меня, как на человека, впервые попавшего в такую (крестьянскую. — Ю.П.) обстановку, не умевшего даже запрячь лошади, не говоря уже о других необходимых в крестьянском быту знаниях, смотрели как-то странно, подозрительно, разговоры по душе были редки». И он поневоле «ничем преступным не занимался» ¹²³. Желание радикального интеллигента подделаться под простого мужика в условиях деревенского обихода оказалось трудноосуществимым и далеко не всегда заканчивалось благополучно. Бух в Пошехонье во время ночевки хитрая старуха постелила рваные полушубки со вшами, чтобы насекомые за ночь переползли на него. Бух сразу понял нехитрый замысел, но решил перенести это испытание ради приобщения к крестьянской жизни. От паразитов он избавился только через полтора года ¹²⁴.

Бывали и более удачные случаи. Дейчу посчастливилось в Таврической губернии наняться работником в крестьянскую семью. Правда, как только он взял в руки вилы, залез на воз с сеном и принялся его со всем пылом разгребать, хозяину стало ясно, что он никакой не крестьянин. А когда пошли в степь косить и Дейч стал размахивать косой, то хозяин остановил его: «Этак ты больше напортишь, чем накосишь, не то себе или другому ногу отрежешь». Но из сердобольности не выгнал малополезного наймита. Между тем по деревне пошел слух, что он не иначе как конокрад ¹²⁵.

У мужиков особенное недоверие вызывали молодые люди, переодетые в крестьянскую одежду. Таких ряженных они узнавали с первого взгляда. Зачастую их принимали за проходимцев, не чистых на руку ¹²⁶, а одну пропагандистку суеверные поселяне посчитали колдуньей, чем, по ее мнению, и объяснялась неудача пропаганды ¹²⁷. Бух вспоминал: «Крестьянский костюм шел ко мне как к корове седло, возбуждая у всех встречных подозрение» ¹²⁸.

Южные «бунтари» в стремлении омужичиться надевали на себя самую нищенскую одежду, чтобы не походить на зажиточного, кулака. Однако в этом крылся серьезный просчет: «крестьяне сами бедны, но к бедным захожим людям относятся весьма подозрительно», сомневаются в их честности. «Мы проходили верст до двадцати в день, — рассказывал Дебагорий-Мокриевич, — останавливаясь на ночлеги по деревням. Крестьяне крайне неохотно пускали нас к себе на ночь, так как наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у них подозрения. Надо сознаться, что этого мы менее всего ожидали, когда отправлялись в наше путешествие под видом рабочих. Мы знали о недоверчивом отношении крестьян ко всем носящим панский, то есть европейский, костюм и полагали, что чем беднее одежду наденем на себя, тем с большим доверием станут они относиться к нам. И в этом ошиблись. Всюду они встречали нас подозрительно и до того неохотно давали пристанище, видимо, боясь, чтобы мы не украли чего-нибудь, что розыски ночлегов сделались скоро для нас истинным наказанием. Случалось обойти десяток изб и всюду

получить отказы. Не одну ночь проводили мы под открытым небом. Между тем время стояло дождливое, и не раз, бывало, ночью вскакивал я на ноги, дрожа всем телом от холода и сырости. Раз или два довелось спать прямо под дождем, и мы насквозь промокли»¹²⁹.

Случалось и весьма курьезные подделывание под крестьян, как показывает рассказ рабочего И. Окладского о В.А. Осинском, известном революционере на юге России: «Он... переоделся в крестьянское платье. В этом ему никто не препятствовал, а только хвалили его костюм. Когда же я посмотрел на него, то невольно расхохотался и сказал ему, что он далеко от квартиры не уйдет, так как первый же городской задержит его как переодетого “социалиста”. Мой смех над ним его обескуражил, и он стал говорить, что он выйдет из квартиры вечером, когда его никто не увидит. Тогда пришлось серьезно ему сказать, что он похож на крестьянина, как оперный статист из “Жизни за царя”». Осинский был в новеньком крестьянском костюме, сшитом на заказ у портного, в золотых очках, без которых он не мог обойтись, и с тростью в руках¹³⁰.

Когда Морозов приехал для пропаганды в ярославское имение Иванчина-Писарева, опытного пропагандиста, о котором еще будет речь, тот первым делом заставил юного агитатора переодеться в обычное городское платье, ибо его ряженный вид совершенно не подходил для общения с сельскими жителями¹³¹. Это был ему первый урок.

Вступить в понятный и доходчивый разговор с мужиком оказалось непросто. По утверждению В.Г. Короленко, «у революционной интеллигенции и у народа не было ни общего языка, ни взаимного понимания»¹³². Лукашевич и Аитов, когда просились у крестьян переночевать в избе, «в первый раз услышали неизменно всегда повторявшийся потом вопрос “чи будете?”». Они его «прямо не поняли, — признавался Лукашевич, — как будто с нами заговорили на незнакомом иностранном языке. Слово “чи” звучало так странно, казалось каким-то невероятным остатком от времен рабства, когда, может быть, и натурально было спрашивать у крепостных, чи они, то есть какому «господину» принадлежат... Потом уже мы сообразили, что это столь дико звучавшее слово в устах крестьян просто заменяло вопрос откуда, т. е. какого уезда или какой волости “будут” прохожие... Мы были в буквальном смысле слова “иноземцы” здесь, в центральной России, и о религии и обычаях местного населения имели только самое общее представление»¹³³.

К тому же студенты-пропагандисты, бывало, не стеснялись в ученых выражениях, подкрепляя свои доводы ссылками на Лассалья и Прудона. И получался комичный эффект. Мужик, усвоив эти наставления, сам поучал других: «Вот, если б всех их, аспидов наших, залассалить, запрудонить, дело бы то приняло другой оборот»¹³⁴.

Отчуждение от деревенской жизни было характерно для культурной части русского общества, и мужики это вполне сознавали. Г.И. Успенский свидетельствовал, что «у крестьянина прочно сложилось какое-то в самую кровь ввевшееся убеждение, что барин не понимает ничего житейского, не понимает того, что держит человека на земле, что заправляет его жизнью, душой и душой»¹³⁵. Другой знаток деревни, А.Н. Энгельгардт, писал: «Я встречал здесь помещиков, про барынь уж и не говорю, которые лет 20 живут в деревне, а о быте крестьян, о их нравах, обычаях, положении, нуждах никакого понятия не имеют; более скажу — я встретил, может быть, всего только трех-четырех человек, которые понимают положение крестьян, которые понимают, что говорят крестьяне, и которые говорят так, что крестьяне их понимают»¹³⁶.

Другая черта в характере народа, с которой пришлось столкнуться «хожденцам» и которая ставила ощутимую преграду пропагандистской практике, это пьянство. Например, ступив на агитационное поприще, Аптекман вынуж-

ден был разыграть сцену, подобную той, что описана И.С. Тургеневым в «Нови». Народа он не знал, так как родился в городе, и деревни почти не видел. В Харькове в городском саду он увидел группу солдат, которые прекрасно пели малороссийские песни. Он немедленно взялся за агитацию, говорил горячо, воодушевленно... Солдаты слушали с интересом. Через час им захотелось в кабак, а агитатор не мог оборвать свою пламенную речь и отправился вместе с ними. «Водка была отвратительная, — вспоминал Аптекман, — но я глотал эту гадость, не желая отстать от компании. Это был первый мой опыт пропаганды, и мне казалось, что если я буду пить с теми, которых я пропагандирую, то это меня сблизит с ними»¹³⁷.

В апреле 1876 г. Н.С. Сергеев с фальшивым паспортом в чапане и в холщевой рубаше отправился возбуждать наемных работников под Астрахань, в дельту реки Волги, поступив в рыбную ватагу. Его разочарования начались еще на пароходе, когда нанятый люд спускался вниз по течению. «“На Волгу, на Волгу” раздавался тогда среди нас (народников. — Ю.П.) клич. Туда, где живет “вольный народ”, сохранивший в устных пересказах предания о том, как хоз-зйничали на Волге Стенька Разин и Емелька Пугачев. Вот и Волга!.. И я вступаю на ее пароход, одетый в платье простого рабочего. Свершилось мое страстное желание “слиться с народом”, отдать ему свое знание средств и путей его освобождения от горькой доли. С каким-то особым волнением я всматривался в пассажиров из простого народа, приискивая случай вступить с каждым мужиком в беседу. Но в памяти моей не сохранилось ни одной беседы... Видимо, глух был тогда народ к нашей проповеди, не подготовлен он был слушать тогда наши речи о его горькой доле и средствах избавиться от нее... Было много пьяных мужиков и баб, которые неистово галдели и пели скабрезные песни, причем молодежь очень свободно обращалась с женщинами, то и дело взвизгивавшими и пронзительно кричавшими из-под навалившихся на них во время возни парней. Всматриваясь во внешний облик своих “товарищей”, в эту волжскую “гольтепу”, я думал: ведь это потомки тех людей, с которыми когда-то Стенька Разин начал громить Россию, грозил дойти до Москвы и там учинить расправу с угнетателями народа... Недоумению моему не было предела». Ночью огромная толпа расположилась на берегу реки. «Много было пьяных, много женщин, кричавших и визжавших от приставаний к ним парней... Помню хорошо, что всю ночь я не спал, толкаясь среди неспящего народа, вслушиваясь в его разговоры и беседы, но ничего отрадного из всего подслушанного не вынося. Я ждал услышать жалобы на горькую судьбу, рассказы о тяжелой доле, гневные речи о виновниках народного разоренья и нищеты — помещиках и капиталистах, о правительственной власти. Но толпа или слушала рассказы старых солдат об их походах и сражениях, или бывалых людей о разных приключениях из бродячей их жизни, повествования о проделках деревенских богатеев, о мирском пьянстве, но ни слова, как мы ожидали, — на “политические темы”»¹³⁸.

В воспоминаниях народники эту сторону народной жизни и свое отношение к ней предпочитали, за редким исключением, обходить молчанием¹³⁹. Крестьяне же порой усматривали причину своего бедственного положения не в социально-политических условиях, а в самих мужиках, подверженным Зеленому Змию. «Теперь вот и у нас пошел разврат, — говорили молокане Дейчу. — Прежде у нас и в помине не было вино пить, а нынче кабак завелся, иной из него не выходит, оттого хозяйство у него прахом идет»¹⁴⁰.

В 1874 г. Фроленко наблюдал повальное пьянство среди рабочего люда, нанявшегося на сельские заводы. Когда он ходил с Аитовым по Екатеринбургской губернии, «в некоторых селах, — пишет мемуарист, — попадалось нам наблюдать за действиями фабрик и заводов. Отразилось это на костюмах и

питье водки... Пьют не только старые, но и молодежь, причем разгул почитается даже, как нам показалось, чем-то хорошим, незазорным»¹⁴¹. О революционной пропаганде здесь, разумеется, говорить не приходилось.

Крестьянская безграмотность и книжная пропаганда. Распространению интеллигентских революционных идей препятствовала и неграмотность крестьян. В связи с этим книжная пропаганда, которая наряду с устной считалась главным средством возбуждения простонародья, теряла свою актуальность и значимость.

Несмотря на все издательские усилия народников и позднейшие попытки Войнаральского организовать широкое распространение нелегальных книг¹⁴², агитация с использованием противоправительственной литературы оказалась малоэффективной. Неграмотные крестьяне книги иногда брали, «но вместо чтения употребляли на сигарки»¹⁴³. По свидетельству Фигнер, «самое главное орудие действия на умы — простая грамотность — почти отсутствовало в деревне; несколько книжек подпольного издания, почти детских по содержанию и форме, составляли весь литературный арсенал, предназначенный для читателя-простолюдина»¹⁴⁴. Веревокина сообщала из деревни товарищам: «Книг мне не надо, что касается их чтения, то они расходятся крайне медленно, нет, здесь не книги нужны!»¹⁴⁵

Неграмотным пропагандисты или местные грамотеи частенько читали брошюры вслух, и народ воспринимал такое занятие как вечернее развлечение, но революционного духа оно слушателям не прибавляло. Однажды Бух, собрав взрослых членов крестьянской семьи в парадную горницу, прочитал очень ценимую среди агитаторов «Сказку о четырех братьях». «Впечатление было неважное. Первой высказалась старуха, глава женской половины. “Сказка, как сказка... Вы лучше бы что-нибудь божественное почитали”»¹⁴⁶. Летом 1874 г. Морозов при содействии Иванчина-Писарева устроился учеником кузнеца в старообрядческой деревне Коптево. Вскоре оказалось, что ввиду неграмотности местных крестьян распространять литературу среди них не имело смысла. К социальным вопросам они не проявляли любопытства. Потому Морозов не вел с ними никаких «злонамеренных» разговоров. Правда, сыну хозяина кузницы он почитывал нелегальные брошюры. Тот слушал без особого интереса, лишь однажды оживился: «Какие у тебя хорошие сапоги... Чай, дорого дал?»¹⁴⁷.

Стремясь преодолеть этот барьер, Иванчин-Писарев хотел печатать народные книжки, пригодные только для чтения вслух, а не для самостоятельного чтения. Своим планом он поделился с Михайловским, на что тот заметил: «Значит, при отсутствии в деревне хороших чтецов ваши произведения могут пойти на сигарки?» Увы, Иванчин-Писарев должен был признать основательность такого предположения¹⁴⁸.

Народ еще следовало подготовить к «книжной пропаганде». «Неграмотных надо было обучить грамоте и сообщить им хотя бы самые элементарные сведения по разным отраслям знания, — утверждал Чарушин, — а затем уже чтением, беседами и лекциями на темы общественного характера постепенно вводить в круг наших идей». Революционным народникам предстояла «чисто черновая работа, которая должна бы быть сделана начальной школой, которой в то время среди крестьянского населения почти не было»¹⁴⁹. С.Г. Ширяев признавал, что с помощью нелегальных изданий «нелепо и смешно было бы мечтать о так наз. развитии, просвещении полуголодной, полубольной, фатально осужденной на невежество массы. Дело здесь идет лишь о том, чтобы возбудить, направить на настоящую дорогу уже существующие, проявляющиеся уже чувства, помочь им вылиться, так сказать, целесообразнее»¹⁵⁰. С другой стороны бакунист Ковалик полагал, что «воздействие на народную массу возможно лишь путем реальных фактов — бунтов, а не путем словесных бесед

или распространения “хороших книжек”». Книжкам как средству возбуждения революционности он «почти никакого значения не придавал и совершенно их игнорировал»¹⁵¹.

Распространение нелегальной литературы по деревням редко заканчивалось добром. Любые такие попытки полиция пресекала, и они служили веским основанием для ареста и привлечения к суду. Так случилось со многими «прокламационистами». Например, Н.И. Кибальч летом 1875 г., во время студенческих каникул, попробовал свои агитационные возможности в народе. В Липовецком уезде Киевской губернии в местечке Жорницы, в гостях у своего старшего брата, Кибальчич принялся распространять среди крестьян нелегальные брошюры. Во время сенокоса он передал грамотному крестьянину, бывшему солдату, Василию Притуле брошюру «Сказку о четырех братьях». Книжка попала к зажиточному крестьянину, пономарю В. Стефанюку, который передал ее священнику. И последовал донос. Арестованный по обвинению в передаче «недозволенной книжки крестьянину», Кибальчич почти три года просидел в одиночном заключении, а затем «по приговору Особого присутствия Сената, состоявшемуся 1 мая 1878 г., был приговорен к заключению на 1 месяц»¹⁵². После тюрьмы он вошел в террористическую группу «Свобода или смерть», а позднее стал главным техником по взрывным устройствам «Народной воли».

Распространение литературы во времена «хождения в народ» к тому же облегчало расправу с агитаторами. «Обилие ее [литературы] обнаруживалось при всех арестах, — вспоминала Фигнер. — Каждая организация запасалась большим количеством их [книг], чем могла распространить. После разгрома кружков в 1875 г. убедились, что иногда только наличие этого материала было главной и даже единственной уликой при аресте и на суде. После процессов 1877 г. этот поток периодической литературы из Женевы и Лондона прекратился: землевольцы решили избегать распространения этой литературы среди сплошь неграмотного населения»¹⁵³.

Революция и социализм не нужны народу. Энтузиастов деревенской пропаганды вскоре ждало еще одно глубокое разочарование. Вопреки уверениям Бакунина, они воочию увидели, что крестьяне не собираются поднимать бунты и тем более всероссийскую революцию. Призывы к неповиновению верховной власти не находили отклика. Жизнь показала, что расчет вызвать народ путем пропаганды на борьбу с государственным строем, враждебным его интересам, «ни на чем не основан, кроме нашего горячего желания». «Вера в революционность народа, — признавал один из южных бунтарей, — в его могущество и даже непобедимость — вот та слабая сторона, на которой, увы, построено было наше революционное народничество»¹⁵⁴.

С.Л. Аронзон, участник кружка оренбуржцев, с горечью отмечал, что крестьяне не воспринимают революционную пропаганду: «Слушают-то слушают, но сами слышанное не распространяют, разговоры остаются разговорами. Глубоко в грудь они не западают, в одно ухо вошло, а из другого вышло». Случалось, простые люди принципиально выступали против революционного передела собственности. Рабочий Василий Ковалев, входивший в кружок «москвичей», в разговоре с отставным рядовым Д. Матвеевым о несправедливости русского общества, в котором существуют богатые и бедные, услышал от него: «Если не дал бог мне богатства, то нельзя его отбирать у других с разбоем. Да как быть: возьмем мы с тобой две чашки — одна хорошая, а другая плохая. Кому брать хорошую и кому плохую? Ты скажешь, что тебе хорошую, а я скажу — мне. Как же мы будем делить богатство? Один раздор будет, и мы друг друга только перебьем»¹⁵⁵.

В глухой деревне Коптево Ярославской губернии, где Морозов учился кузнечному делу, «старые люди жаловались на новые времена, считали, что при

помещиках жизнь была лучше. В целом же крестьяне были недовольны, что помещичьи земли царь не раздал безвозмездно мужикам. Молодые крестьяне к помещикам относились враждебно-пренебрежительно, а к местной администрации — враждебно-боязливо». Но когда Морозов попробовал говорить о том, что «управление страной надо взять в свои руки, как в иноземных государствах», ему отвечали: «Что поделаешь? У начальства сила, а у нас все врозь. Никто другого не поддержит, все разбегутся»¹⁵⁶.

Обобщая результаты деятельности интеллигенции в народе, Ковалик писал: «Активные крестьяне, готовые стать в ряды борцов, встречались очень редко. Чаще лица, с которыми беседовали пропагандисты, выражали свои пожелания, более или менее отвечавшие тому, что проповедовали пропагандисты, но на призыв к активной борьбе подавали реплики, свидетельствующие, что они лишь поддержат тех, кто начнет борьбу, причем одни ожидали начала от царя, другие от революционеров»¹⁵⁷. Но «никаких шансов на что-либо похожее на восстание или партизанскую войну, — по признанию Фигнер, — не было»¹⁵⁸.

Пролетарии нередко надеялись улучшить свое положение, выслужившись на своем рабочем месте. Социализм, краеугольный камень идеологии революционного народничества, работный люд напрочь отвергал. В реальной деревне крестьяне мечтали завести свое частное, мелкобуржуазное хозяйство, а не объединяться в коллективное. И зажиточным и нищим домохозяевам были чужды социалистические принципы: обобществление земли и средств производства, совместное ведение хозяйства и любые иные формы социалистического труда. И так было повсеместно. Дейч, занимавшийся пропагандой среди молокан на юге России, вспоминал: «Я им говорил, что землю им надо обрабатывать сообща, а потом полученные с нее продукты делить и т.д. Но они мне отвечали: “Какой ты чудак! Сто лет стоит наша деревня, а такого чудака у нас еще не было”». В опровержение слов социалистического агитатора они приводили в пример близлежащую деревню, где жила секта «общих». У них были обобщены сельскохозяйственные орудия, и все работы они производили коллективно. Между «общими» постоянно происходили ссоры и споры, кто сколько наработал, кто ленится, кто прикидывается больным. Поэтому у них вечные беспорядки, бедность и грязь»¹⁵⁹.

«Конечно, у пропагандистов этого периода проявлялось много иллюзий, юношеской неопытности и незнания жизни, — отмечал Кибальчич. — Уже одна идея — в короткий промежуток времени путем лишь словесной и книжной пропаганды и при наличии всех существующих условий государственной и общественной жизни достигнуть того, что большинство народа сознательно усвоит себе принципы социализма, — такая идея, господствовавшая среди пропагандистов, лучше всего показывает их юношескую неопытность»¹⁶⁰. Кравчинский разочарованно констатировал, что тяжелый опыт нескольких лет пропаганды «не мог не убедить всякого трезвого человека в том, что “научный социализм”... совершенно отскакивает от русской массы, как горох от стены»¹⁶¹. Крестьянин «оказывался глух к проповеди социализма, — писал Плеханов. — Социалистические идеалы не только не влекли его к себе, но прямо не укладывались в его голову, потому что в идеалах, подсказываемых ему его собственными производственными отношениями, было очень много буржуазного индивидуализма. “Легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности”, — говорил на одной из революционных сходов, осенью 1876 г., Боголюбов, который был очень опытным и умелым пропагандистом»¹⁶². И это несмотря на традиционную русскую общину и общинное землепользование, которые, по мысли народнических идеологов, являлись залогом торжества социалистического строя в России. Но сельская община являлась рудиментом феодального общества, а не зародышем будущего.

После 1861 г. каждый крестьянин стал юридически свободным. Переходя на выкуп, он становился собственником надела, то есть мелким земледельцем, перед ним открывалась перспектива независимого хозяйствования. И он всеми силами стремился обрести самостоятельность, сделать свою жизнь зажиточной. Дух единства, который до какой-то степени бытовал в патриархально-крепостной общине, постепенно исчезал. Крестьяне с каждым годом теряли свои мирские связи. П.А. Орлов писал своему товарищу: «Первое, что заметил я между крестьянами, — это отсутствие между ними солидарности; это заметил и ты; это замечают многие; стало быть, это факт повсеместный. Солидарность же — это единственное средство; отсутствие солидарности — это отсутствие всяких средств»¹⁶³.

На смену сельской общности приходила отчужденность. Успенский сравнивал единоличные крестьянские хозяйства в деревне с островками, «населенными жителями, действующими и смотрящими на жизнь только во имя своих собственных забот». «Попалась одному необитаемому острову работа; он захватит ее столько, что не в состоянии и выполнить, а уж соседнему острову не скажет!.. Если соседний остров послабей, победней, то, пожалуй, можно всучить ему работу, которая попалась, но вместо рубля заплатить слабому острову пятиалтынный, а восемьдесят пять копеек оставить у себя в кармане... Случись то же самое с слабым необитаемым островом — и он поступит так же точно, и оба будут полагать, что всё это совершенно правильно, по-божьему, по-господнему... Примеров, доказывающих полное одиночество крестьянской семьи, полную отчужденность членов общества одного от другого — великое множество»¹⁶⁴. В деревне утверждались своекорыстные частнособственнические интересы домохозяев, а в зажиточной среде — стяжательство и эксплуатация односельчан.

Сельский люд только в редких случаях обращался к коллективному труду, при котором не учитывался и не вознаграждался личный вклад каждого участника. «Крестьянская община, крестьянская артель — это не пчелиный улей, в котором каждая пчела, не считаясь с другою, трудолюбиво работает по мере своих сил на пользу общую», — утверждал Энгельгардт и подчеркивал, что «крестьяне всеми мерами избегают такого дела, где нужно работать сообща, и предпочитают работать, хотя бы и дешевле, но в одиночку, каждый сам по себе»¹⁶⁵. «У крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации, — свидетельствовал он на основе многолетнего наблюдения за односельчанами. — Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству — все это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать всякого другого, все равно, крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду»¹⁶⁶.

Итак, «социалистических инстинктов», по Бакунину, крестьянство не проявляло, для него принципы совместного хозяйствования были неприемлемы. Мужик мечтал стать самостоятельным и независимым хозяином, еще лучше мелким предпринимателем, а не бесправным работником, отчужденным от средств производства и результатов своего труда. Насадить социализм в российской деревне можно было только насильственными мерами — голодомором, принудительным «обобществлением», подавлением крестьянских восстаний, разорением трудовых, зажиточных и богатых хозяйств.

Агитация в пользу социалистического учения не давала обнадеживающих результатов и в среде рабочих, тех же крестьян, пришедших в город на заработки. Новоявленные пролетарии надеялись улучшить свое положение, выслу-

жившись на своем рабочем месте. Весной 1875 г. Дейч устроился за 50 коп. в день чернорабочим в мелитопольское железнодорожное депо. С молодым и, казалось, подающим надежды рабочим он вел чуть ли не ежедневную разъяснительную работу. Тот внимательно слушал «речи о всяких неправдах и несправедливостях, господствующих повсюду. Он соглашался, что труд наш тяжел и скудно оплачивается, но тут же находил утешение для нас в возможности получить со временем повышение». Другие из числа пропагандируемых юношей с явной завистью указывали на какого-нибудь «сослуживца, получившего повышение в ранге, произведенного, например, из смазчиков в помощники кочегара и т.п.»¹⁶⁷. О требованиях повышения заработной платы, забастовках и тем более переходе средств производства в руки пролетариата речь даже и не заходила. Идеи социализма и революционизма были чужды пролетариям из деревни. «В соответствии с этим, — вспоминал Чарушин, — как-то само собой менялись и наши задания в пропагандистской деятельности, отодвигая социализм как таковой и налегая на вопросы особенно близкие и понятные слушателям»¹⁶⁸.

Пришлых «подговорщиков» если и слушали в деревне со вниманием, то лишь когда они заговаривали о реальных хозяйственных нуждах. Аптекман, долго работавший в народе, свидетельствовал, что мужика интересовал «не социализм и не анархия, конечно, а самые животрепещущие вопросы его повседневной серой жизни: безземелие и тягота податей были всегдашними предметами постоянных и нередко задушевных бесед. Здесь пропагандист был неуязвим: знание, которым он обладал, давало ему возможность обобщить данные частные факты и осветить их более ясным светом. И чем талантливее был пропагандист, чем ярче была его речь и остроумнее его сопоставления, тем более он овладевал вниманием слушателей. Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву социализма, как все совершенно изменялось. Не то, чтобы его не хотели слушать (“Почто не послухать?”) — а слушали, как обыкновенно слушают занятную сказку: “не любо не слушай, а лгать — не мешай!”». «Мне казалось, — продолжал Аптекман, — что преждевременно еще выступать с пропагандой социалистических идей в народе, как это настойчиво требовала молодежь. Русский народ... недавно только вышел из крепостного состояния, он почти не жил историческою жизнью, он темен и невежествен, робок и забит — где же ему понять то учение, которое народил многовековой тяжелый исторический опыт на Западе?» В конце концов Аптекман пришел к такому выводу: «Для меня стало ясно, что на пропаганде социализма в народе мы далеко не уедем, что буду ли я один работать, или нас будет работать десятки, сотни и тысячи пропагандистов — все равно, мы сим не победим народа, с места не сдвинем его»¹⁶⁹.

Как утверждал в своей скорректированной программе Александр Кропоткин, «неразвитый крестьянин или рабочий не поймет общественных идей о социализме, равенстве и солидарности... Революционер может рассчитывать на успех только тогда, если будет выдвигать на первый план местные интересы»¹⁷⁰. Перейти в беседе от повседневных забот к обобщению проблем пореформенной деревни интеллигенту-пропагандисту было крайне трудно, так как кругозор крестьянина, его мысли не шли дальше мелких интересов своего хозяйства. «Ограниченность круга этого мышления, — писал Успенский, — поразительна и обидна; она почти лишает вас всякой возможности каким бы то ни было путем возбудить внимание крестьянина к его насущнейшим общественным нуждам; непременно надо начинать с телки, с курицы, с копейки серебром и долго тянуть эту канитель, прежде нежели получится возможность завести речь о каком-нибудь общем крестьянском недуге, общей надобности — насущной, но не примечаемой. Да и тут, едва только телка перестает быть

главным предметом разговора, едва, вместо копейки Ивана Иванова, вы начинаете речь о деньгах вообще, весь интерес к разговору в крестьянине исчезает, он слушает из приличия и очень, очень широко разевает рот, зевая и скучая, а главное, не понимая ничего и не желая понимать»¹⁷¹. «При подобном настроении народных масс, конечно, никакой опасности для государства не могла представить наша проповедь социальной революции»¹⁷², — заключал Дебагорий-Мокриевич.

Крестьяне наотрез отказывались понимать народников-социалистов. В лучшем случае от них отмахивались, не принимая всерьез, в худшем — скручивали руки и вели в волостное или полицейское управление. Случалось, хотя очень редко, когда мужики выслушивали пропагандистов. Но «все же ожидания наши, — свидетельствует Дейч, — в общем не оправдались»¹⁷³.

Известны случаи, когда деревенский люд выдавал властям пришлых «мятежных подстрекателей». Например, в Ставропольском уезде Самарской губернии Войнаральский читал мужикам в селе Васильевке агитационную книжку и заявил, что «подати платить не следует, начальство и господ надо перевешать, а царя выгнать», взяв управление в свои руки. Тут же об этом было доложено старосте и полицейскому сотнику. Пропагандиста арестовали, правда, ему удалось бежать¹⁷⁴, но через три дня его схватили в Самаре. Е.К. Брешковскую арестовали в местечке Тульчин Подольской губернии. Ее выдала наймичка в крестьянской семье, где остановилась «прокламационистка». Наемная работница заметила в котомке постоялицы книгу, карты, исписанную бумагу и сообщила об этом становому приставу. Тот нашел в ее вещах еще и прокламации и посадил Брешковскую в местный этапный дом¹⁷⁵. На этом ее агитационная деятельность в народе закончилась. В сентябре 1874 г. был выдан сельским старостой в Могилевской губернии, пойман, но счастливо бежал за границу Аксельрод¹⁷⁶.

Христианство народное. Еще одна серьезнейшая проблема, с которой столкнулись «хожденцы», — это религиозность народа. Разговоры о вере, боге, церкви, попах постоянно возникали в общении с деревенским людом. Оказалось, что крестьяне ощущали потребность не в социализме, а в православии. При этом в христианских догмах «мирская чадь» разбиралась не более, чем в социалистических.

Бакунин внушал народнической молодежи самый решительный атеизм и непримиримое богоборчество, потому что вера в бога представлялась главной опорой государства. По его доктрине, источником всех зол в мировой истории были государство и церковь, порабащающие свободную личность. «Бог, или, скорее, фикция божества, — утверждал идеолог крестьянской революции, — уже является духовной и нравственной причиной всякого рабства на земле и освящает его, и человеческая свобода вполне осуществится только тогда, когда она совершенно уничтожит тлетворный вымысел о существовании небесного повелителя». Бакунин безоговорочно утверждал, что «в народных массах пробуждается и образуется новое понимание, молодое, сильное, полное будущности и жизни, без сомнения, еще научно не развитое, но стремящееся к знанию, освобожденному от всех нелепостей, метафизики и богословия. Это понимание... до последнего основания разрушит и проклятый принцип власти, как человеческой, так и божественной, и возвратит каждому полную свободу, осуществит равенство, солидарность и братство человеческого рода»¹⁷⁷.

Своим адептам Бакунин предписывал внедрять в крестьянство атеизм в самых категорических формах. «Так как мы сами убежденные безбожники, — учил он, — враги всякого религиозного верования и материалисты, всякий раз, когда нам придется говорить о вере с народом, мы обязаны высказать ему во всей полноте наше безверие, скажу более, наше враждебное отношение к рели-

гии»¹⁷⁸. Здесь сказалось поразительное незнание Бакуниным народных форм сознания. Таких пришлых нехристей и безбожников никто не стал бы слушать: их или выгнали бы взащей, или сдали сотскому. И не то, что простонародье было до такой степени привержено ортодоксальному православию и официальной церкви, но антирелигиозности в крестьянском мире не было места.

Лавров не отставал от Бакунина. В своей программе он нацеливал молодежь в первую очередь на борьбу «реального мирозерцания против мирозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов богословских и метафизических» с помощью «важнейших завоеваний, сделанных наукой в ее борьбе с религиозным преданием»¹⁷⁹. С критикой православной веры выступали и некоторые другие наиболее рьяные революционеры. Руководитель оренбургского кружка С.С. Голоушев считал, что народу нужно говорить не о христианском учении, а о крестьянском народном восстании¹⁸⁰. Но таких «вероучителей» было немного¹⁸¹.

Зато предпринимались всевозможные попытки вступать с «божиим людом» в споры на богословские темы. Со Святым писанием в руках, по словам М.В. Ланганса, следовало «побеждать теологическое мировоззрение его же оружием, то есть, держась Евангелия и толкуя его известным образом, доказывать нелепость и безнравственность православия и писаний православных законоучителей»¹⁸². Разумеется, никого подобные дискуссии переубедить не могли, каждый оставался при своем мнении.

Делались попытки вести проповедь социализма в согласии с христианским вероучением и с обильными ссылками на слово Христово. В крестьянской пастве такие агитационные выступления имели успех, но в них мало что оставалось от того социализма, в который верили сами революционные народники. Сторонником пропаганды в религиозном облики выступал Берви-Флеровский. В 1873 г. он провозгласил «религию равенства» как средство привлечения народа к революционным действиям. Впоследствии, осмысливая значение христианизированного социализма, он признал несостоятельность такой пропаганды¹⁸³. К этой же точке зрения впоследствии склонялся Лавров. Он отказался опубликовать псевдонародную книжку Кравчинского «О правде и кривде», поскольку автор «уравнивал раннее христианство с доктриной социализма»¹⁸⁴.

Агитацию в форме христианской проповеди не одобряло большинство народников. «Если революционная пропаганда во имя религии и захватывает действительно массы людей, которых чистая социалистическая пропаганда не трогает, — утверждал Петр Кропоткин, — зато и несет с собой эта религиозная пропаганда такое зло, которое пересиливает добро. Она учит повиновению, она учит подчинению авторитету... И, в конце концов, неизбежно, в силу этого самого, она выдвинет церковь, то есть организованную защиту подчинения людей всякой власти»¹⁸⁵.

В отношении народного христианства радикальная интеллигенция склонялась к тому, что нужно уважать религиозные чувства народа, а при общении с крестьянами не касаться вопросов религии из-за опасности возбудить их против себя¹⁸⁶. А если обращаться к христианской вере, то в стиле Аксельрода, пропагандировавшего в плотничьей артели: «Иногда в основание своих бесед я брал евангельские изречения, осуждающие богачей и вскрывающие беззакония власть имущих. Но, читая и толкуя эти изречения на революционный лад, я старался, чтоб у слушателей не могла явиться мысль, что я говорю против церкви, против Христа»¹⁸⁷.

«Программа революционной пропаганды», составленная А.А. Кропоткиным в июле 1874 г., с учетом уже некоторого опыта «хождения в народ», содержала такую общую рекомендацию: «Неоднократные беседы с простолюдинами убедили меня, что непрактично в высшей степени задевать их религи-

озные верования. Для крестьянина страшен и по меньшей мере непривлекателен тот, кто говорит, что Бога нет, что душа не бессмертна и т.п. Если иной из них сам и переварит такую личность, то другие испугают его тем, что он водится с греховодниками». Более того, Кропоткин полагал, что пропагандист должен полностью воспринять бытовые и религиозные традиции крестьянства, «он должен ходить в церковь там, где не бабы только, но и мужики ходят; должен поститься по средам и пятницам и в посты»¹⁸⁸.

Между тем даже самая «чистая» политическая пропаганда, без обращения к христианству, воспринималась мирской чадью совершенно не так, как ожидали агитаторы-атеисты. Во многих случаях их речи воспринимались наподобие пастырской проповеди. «Крестьянин слушал революционера, — отмечал М.П. Попов, — точно так же, как он слушает батюшку, проповедующего ему о царстве небесном, и после прослушанной проповеди, как только переходил порог церкви, жил точно так же, как он жил и до проповеди. Многие побывавшие в народе вынесли на этот счет такое убеждение»¹⁸⁹. В лучшем случае, по свидетельству другого пропагандиста, крестьянство могло «смотреть на предлагаемый ему идеал общественного устройства как на нечто действительно прекрасное, в высшей степени желательное, как на царствие небесное, но которое только и остается в мечтах»¹⁹⁰.

Аптекман рассказывал Попову, как собрал у себя в избе мужиков и стал говорить «о плачевном положении людей труда» и о том, что остальные сословия — дворянство, духовенство и купечество — живут на счет рабочих и крестьян. А потом нарисовал прекрасную и восторженную «картину будущего строя на социалистических началах». Один почтенный старик, очень симпатичный на вид, слушавший с особенным вниманием, спросил: «Скажи, пожалуйста, а что будет на том свете?» Тут Аптекман оценил подлинные результаты своей пламенной речи! Не выдержав характера, он в сердцах ответил: «Какой тебе еще тот свет понадобился — довольно тебе и этого, чтоб не думать еще о другом таком же»¹⁹¹.

Особое место в агитации отводилось сектантам, в которых народники видели реальную антиправительственную силу. Пропагандировать среди религиозных протестантов казалось делом весьма перспективным.

Горячим сторонником пропаганды среди сектантов был Фесенко. Он не примкнул ни к бакунистам, ни к лавристам. Начитанного в «Капитале» К. Маркса, его в советской историографии причисляли к первым русским марксистам¹⁹². По свидетельству Дейча, Фесенко был невысокого мнения о правоверном народе, потому что долгое крепостное право наложило на него печать приниженности и забитости. Другое дело сектанты. «Преследуемые и гонимые, — доказывал он, — религиозные сектанты не могут примириться с существующими в России порядками. В них жив дух протеста, готовность к самопожертвованию, к борьбе и страданиям за идеи. Это они в течение нескольких столетий доказали, приняв самое активное участие во всех происходивших народных движениях. Преследования в сильной степени развили среди них также чувство солидарности, предприимчивости и настойчивости. Поэтому, по мнению Фесенко, наши сектанты являлись не только более склонными к протесту, но вместе с тем и более развитыми и толковыми, чем православные крестьяне. Он полагал, что при умении подойти к сектантам можно было перевести присущий им чрезмерный интерес к религиозным вопросам на почву социализма»¹⁹³.

Осенью 1874 г. — весной 1875 г. Фесенко организовал в Киеве кружок для «пропаганды социализма исключительно только среди приверженцев рационалистических сект». В кружок входило около двадцати человек, среди них Дмитрий Лизогуб, Лев Дейч, Тимофей Квятковский. Сам он весной 1875 г.

отправился к духовным христианам, «шелапутам», в одну из южных губерний. На общем собрании бывший семинарист, прекрасно знавший писание и богословскую литературу, нарисовал мрачную картину жизни народа и прочертил светлую перспективу к грядущему социализму. Его слова привели слушателей в религиозный экстаз. Они подняли его на руки и, кружась с ним по избе, радостно восклицали: «Он пришел! Он тут! Он с нами!»¹⁹⁴. Сектанты приняли «пропагатора» за провозвестника царствия небесного.

Тем временем православные поселяне тоже захотели узреть новоявленного прорицателя. Сектанты не пустили их в избу, и начался мордобой. Все закончилось тем, что деревенские власти разогнали сборище, а горе-провидца арестовали. Началось его мыканье по полицейским участкам и тюрьмам. На допросах Фесенко утверждал, что отправился к сектантам с чисто научной целью, для ознакомления с их вероучением и бытом, и не его вина, что его приняли за иного. Сектанты держались стойко и не выдали своего благовествователя. Жандармам, собственно, нечего было предъявить арестованному, и, продержав в заключении около года, его выпустили на поруки. Позднее Фесенко рассказывал о своих сектантских приключениях со смехом и перешел к чтению лекций по политической экономии среди петербургских рабочих, заслужив похвалу Плеханова¹⁹⁵.

Лев Дейч с фальшивым крестьянским паспортом направился проповедовать социализм в молоканскую деревню Астраханку под Мелитополем. Он обнаружил, что сектанты уже давно не искали в вере правды и справедливости, у них отсутствовало обостренное отношение к религиозным вопросам. Потому, как считал Дейч, было трудно «возбудить в них интерес и к тем более общим и важным вопросам, которые занимали меня и моих единомышленников». Сектанты, несомненно, обладали здравым житейским смыслом, были смышлены, все грамотны и неизмеримо более развиты, чем православные крестьяне. Но кроме молитвенников и Священного писания, никаких других книг они не читали. «Косности, нелюбви к каким-либо новшествам в них едва ли было меньше, чем у православных». И хотя Дейч вел с молоканами беседы на социалистические темы, «все они оставались, — по его признанию, — при твердом убеждении в негодности проповедуемых мною новшеств». По мнению пропагандиста, «причина их консерватизма коренилась, конечно, в относительно благоприятном материальном положении». Сектанты были уверены, что надо трудиться, а не заниматься насильственной переделкой общества. «Видишь, как хорошо у нас, не то что у вас в России, — говорил мне нередко то тот, то другой из молокан. — Всего-то у нас вдоволь, — дома, скот какой. А сослали-то нас сюда за веру нашу, словно в Сибирь: ничего кругом не было, ни деревца, ни кустика, ни воды. Все своими горбами сделали наши прадеды да деды. Как послушаешь стариков, натерпелись же они! Сколько перемерло-то наших здесь, беда...»¹⁹⁶

С каждым днем Дейч все более разочаровывался в революционизме сектантов. «Но, как молодой пропагандист, веривший в силу своих убеждений, — писал он, — я приписывал равнодушие молокан не их свойствам и не условиям их жизни, а собственному своему неумению и незнанию, как следует взяться за дело». Но вскоре он пришел к иному выводу: «Небольшой наблюдательности и склонности к анализу было достаточно, чтобы после некоторого знакомства с молоканами убедиться, что представление, составленное нами о них по устаревшим книжкам и журнальным статьям, нисколько не соответствовало действительности. Условия жизни последователей этой секты, как и личные их свойства, делали их отнюдь не более восприимчивыми к социалистической проповеди, чем православных крестьян. Освободившись от преследований правительства, молокане успокоились в сознании совершенства своей религии и на достигнутом ими довольно высоком благосостоянии».

По осени в Киев съехались многочисленные члены кружка Фесенко. За лето они побывали в низовьях Волги у бегунов и почти у всех штундистов на Украине. Но результаты были столь неутешительные, что рассказывать друг другу о своих неудачах не хотелось. И кружок распался сам собою. Дейч подвел безотрадный итог: «Таким образом, мое пребывание “в народе”, представлявшееся мне столь жалким и неудачным, в конце концов, оказалось менее печальным, чем других. А единственным положительным результатом “хождения в народ” всего нашего кружка было то, что почти все его члены вернулись здоровыми и невредимыми. Решительно никаких “основ” мы не подорвали, и все осталось в прежнем виде и состоянии. Между тем, будь мы тогда арестованы и раскрой жандармы “план” И.Ф. Фесенко поднять сектантов, — подобно тому, как это тогда и много десятилетий спустя происходило, — все мы очутились бы в тюрьмах, Петропавловке, на каторге и в Сибири. Но, не подвергшись в большинстве своем никаким преследованиям со стороны правительства, кружок наш сошел со сцены совершенно незаметно, не оставив в целом почти никаких следов»¹⁹⁷.

Были и другие попытки привлечь религиозных отщепенцев к делу революции. Летом 1874 г. Брешко-Брешковской удалось собрать сход среди сектантов юга России. Она выступила перед ними с призывом к открытой борьбе с несправедливыми царистскими властями. Почти все собравшиеся решили, что борьба за спасение притесненного люда не противоречит учению Христа. Но на следующий день явился авторитетный раскольничий наставник, «ватажка», и заявил, что «на то воля Божья, что Господь за грехи наказал народ... Да! молиться будем, авось Господь и помилует, а самим как можно сопротивляться? Если Господь послал страдания, то смирайся и неси свой крест»¹⁹⁸. На том и порешили. И с упованием на милость Божию разошлись.

В Николаеве агитацией среди молокан и штундистов одно время занимался И.М. Ковальский. Он выдавал им себя за религиозного единомышленника и собирался обратить их в свою революционную веру, но из этого не ничего не получилось¹⁹⁹. Кравчинский летом 1873 г. пробовал вести пропаганду среди молокан Рязанской губернии. Он приобрел большое уважение среди раскольников, так как «знал на память чуть не всю Библию». Никакого революционного значения эта квазирелигиозная проповедь не имела. Хотя пропагандиста «занимала одно время мысль сделаться их начетчиком с революционными целями, к чему его приглашали также и сами молоканы»²⁰⁰.

Мировоззрение, жизненные интересы и принципы столь разнились у революционеров и сектантов, что все попытки найти точки сопряжения ни к чему не приводили. Представления народников о религиозных протестантах как носителях народного социалистического идеала оказались ложными, надежды на их активное выступление против царизма и официальной церкви — несбыточными.

В то же время наблюдалось воздействие крестьянской религиозности на пропагандистов: известны случаи, когда «нигилисты» сами становились верующими людьми. В среде радикальной интеллигенции в самый разгар агитационного похода по деревням распространилась новая религия о «богочеловечестве»²⁰¹. Основателем ее был А.К. Маликов, предвосхитивший отчасти учение Л.Н. Толстого.

В 1873 г. Маликов в откровении познал истинную христианскую веру: каждый человек есть бог, поэтому во всех людях следует почитать божеское достоинство и любить их. Потому надо оставить старые греховные пути по усовершенствованию общества, в том числе и революционные. Вести человечество к полной гармонии можно только словом убеждения, при полном непротивлении злу насилием²⁰².

Человек немолодой, побывавший уже в ссылке по караказовскому делу, Маликов в 1874 г. проживал под надзором полиции в Орле, где его окружили единоверцы. К нему приезжали и те молодые люди, кто усомнился в своем революционном выборе. Специально для публичных диспутов с новым благовестником приезжал в Орел Ковалик. Но каждый, разумеется, остался при своем. «По мнению присутствующих, логика была на стороне революционеров, но сочувствие большинства — на стороне Маликова»²⁰³.

В числе прозелитов «маликовщины» оказался Н.В. Чайковский²⁰⁴ — деятельный участник «Большого общества пропаганды». Чайковский обратился на собрании московских демократических кружков с призывом отказаться от революционизма и стать мирными проповедниками религии «богочеловечества»²⁰⁵. Сам он оставил революционную деятельность и отправился вместе со своим учителем в Америку, в Канзас, где организовал земледельческую общину, чтобы воплотить в жизнь новые религиозные догмы. Но из этого, как обычно, ничего не получилось. Вскоре новоявленные апостолы вернулись в мир: Маликов — в Россию, Чайковский — в Западную Европу, где продолжил свою деятельность на поприще политической борьбы. Между тем «русская молодежь, — по словам Лаврова, — осталась в огромном большинстве верна своей традиции»²⁰⁶, то есть деятельности по насильственной переделке несовершенного общества.

(Окончание следует)

Примечания

1. «Хождению в народ» посвящена обширная литература: БОГУЧАРСКИЙ В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М. 1912; ИТЕНБЕРГ Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М. 1965; ТРОИЦКИЙ Н.А. Большое общество пропаганды 1871—1874 (так называемые «чайковцы»). Саратов. 1963; ЕГО ЖЕ. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871—1874 гг.). Саратов. 1991; ФИЛИППОВ Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ». Петрозаводск. 1967; ГИНЕВ В.Н. Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX в. М.-Л. 1966; ЗАХАРИНА В.Д. Голос революционной России: литература революционного подполья 70-х годов XIX века. М. 1971; КРАЙНЕВА Н.Я., ПРОНИНА П.В. Народничество в работах советских исследователей за 1953—1970 гг. М. 1971; KLUGE E. Die russische revolutionäre Presse in der zweiten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts: 1855—1905. Zürich. 1948; MAXWELL M. Narodniki women. N.Y. 1990; VENTURI F. Roots of revolution: A history of the populist and socialist movements in nineteenth century Russia. Berlin. 1960; и др.
2. ГИНЕВ В.Н. Блестящая плеяда. В кн.: Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения. Л. 1986, с. 40.
3. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М. 1973, с. 200.
4. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского. — Красный архив, 1926, т. 1, с. 161.
5. КОВАЛИК С.Ф. Автобиография. В кн.: Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989, с. 100.
6. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 129.
7. БАКУНИН М.А. Речь на конгрессе Лиги мира и свободы в 1868 г. В кн. БАКУНИН М.А. Избр. соч. Т. 3. Пг.-М. 1920, с. 112.
8. БАКУНИН М.А. Прибавление «А» к книге «Государственность и анархия». В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М.-Л. 1965, с. 45, 53, 52.
9. БАКУНИН М.А. Избр. соч. Т. 3, с. 22.
10. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ». Из воспоминаний. Пг. 1919, с. 5; ЕГО ЖЕ. Один из первых марксистов. — Вестник Европы, 1911, ноябрь, с. 93; ЕГО ЖЕ. Арон Зунделевич. В кн.: Группа Освобождения труда. Сб. 2. М.-Л. 1924, с. 192, 193.
11. SAPIR B. Petr Lavrov. — International review of social history, 1972, vol. 17.
12. «Вперед!». Непериодическое обозрение. Т. 1. Цюрих. 1873, с. 11.

13. В книге «Государственный элемент в будущем обществе», написанной в 1875—1876 гг. Лавров с некоторыми оговорками и ограничениями на примере Германии признавал необходимость государства и политической борьбы (ЛАВРОВ П.Л. Избр. соч. на социально-политические темы. Т. 4. М. 1935, с. 289—290). В начале 1880-х годов он уже полностью признал важность этих двух факторов в жизни общества.
14. ЛАВРОВ П.Л. Биография-исповедь. В кн.: ЛАВРОВ П.Л. Избр. соч. Т. 1. М. 1934, с. 104; Минувшие годы, 1908, № 1, с. 128.
15. БЕРДЯЕВ Н.А. Истоки и смысл коммунизма. М. 1990, с. 55.
16. SAPIR B. Unknown chapters in the history of «Vpered». — International review of social history, 1957, vol. 2.
17. С.М. Кравчинский — П.Л. Лаврову, октябрь 1875 г. — Былое (Paris), 1912, № 14, с. 58.
18. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 127.
19. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом, с. 200.
20. ДЕЙЧ Л. За полвека. Т. 1. Ч. 1. М. 1922, с. 37.
21. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. Подпольная Россия. В кн.: СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. Соч. Т. 1. М. 1958, с. 383.
22. ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В. Воспоминания. Изд. 3-е. СПб. Б.г., с. 138.
23. КРОПОТКИН П.А. Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя? В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. 1. М.-Л. 1965, с. 102—103.
24. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом, с. 145.
25. ЧАРУШИН Н.А. Автобиография. В кн.: Деятели СССР и революционного движения России, с. 288.
26. ШИШКО Л.Э. К характеристике движения начала 70-х годов. В кн.: ШИШКО Л.Э. Собр. соч. Т. 4. Пг. 1918, с. 205.
27. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М. 1928, с. 124.
28. ШИШКО Л.Э. К характеристике движения начала 70-х годов, с. 215.
29. ГАРФ, ф. 109 (III отделение), 3-я эксп., 1873 г., д. 498, л. 66об. Докладная записка начальника Тверского губернского жандармского управления в III отделение, 14.XII.1873.
30. ШИШКО Л.Э. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. В кн.: ШИШКО Л.Э. Собр. соч. Т. 4, с. 156—157.
31. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 288.
32. ТАРАТУТА Е. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М. 1973, с. 54—63.
33. ГАРФ, ф. 112 (ф. ОППС), оп. 1, 1873 г., д. 204, л. 187—187об. Протокол допроса крестьянина М. Григорьева.
34. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера, с. 288.
35. ГАРФ, ф. 112, оп. 1, 1873 г., д. 204, л. 5—6. Следствие о пропаганде в селе Андрюшино.
36. ФРОЛЕНКО М.Ф. Семидесятые годы и «Народная воля». В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 54.
37. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. Подпольная Россия, с. 379.
38. Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1, с. 321—325. Показания А.В. Ярцева, 20.XII.1873.
39. КУНКЛЬ А.А. Долгушинцы. М. 1931.
40. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. — Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 115.
41. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 75.
42. Красный архив, 1923, № 3, с. 246—247. С.Л. Перовская — А.Я. Ободовской, 6.V.1872.
43. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 84.
44. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ», с. 3.
45. ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 24. М.-Л. 1927, с. 125.
46. ГАРФ, ф. 112, оп. 1, 1874 г., д. 313, л. 14об. Показания Д.В. Дикарева, 10.XII.1874.
47. Здесь и далее курсив соответствуют тексту источника.
48. КРОПОТКИН А.А. Программа революционной пропаганды. — Былое, 1921, № 17, с. 4; ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В. Воспоминания, с. 219.
49. Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. Б.м. 1906, с. 59; ЛУКАШЕВИЧ А.О. В народ! — Былое, 1907, № 3, с. 9—10.
50. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 71.
51. ГУСАКОВА З. П.И. Войнаральский: «Работайте энергично по нашему делу». — Волга, 1999, № 12.
52. ЛУКАШЕВИЧ А.О. Ук. соч., с. 20.
53. ШИШКО Л.Э. Собр. соч. Т. 4, с. 159.
54. Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3, с. 145—147.
55. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 62.

56. АПТЕКМАН О.В. Мои первые шаги на пути пропаганды. М. 1924, с. 132—133.
57. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского, с. 161.
58. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 129.
59. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. М. 1947, с. 89.
60. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1, с. 252.
61. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом, с. 201.
62. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1185 (В.Н. Фигнер), оп. 1, д. 891, л. 10б. Отзыв Фроленко на «Воспоминания Л. Тихомирова». Б.д. Автограф.
63. КОВАЛИК С.Ф. Автобиография, с. 101.
64. ЛАВРОВ П.Л. Избр. соч. Т. 1, с. 227.
65. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. Подпольная Россия, с. 380—381.
66. КЛЕМЕНЦ Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л. 1925, с. 123.
67. ИТЕНБЕРГ Б.С. Движение революционного народничества, с. 185—186.
68. ШИШКО Л.Э. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев, с. 152.
69. Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.). — Былое, 1907, № 9, с. 269.
70. ЗАХАРИНА В.Ф. Голос революционной России. М. 1971.
71. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 164, л. 1. Фигнер В.Н. Заметка о пересылке революционной литературы из-за границы. [1920-е гг.] Автограф.
72. KLUGE E. Op. cit., S. 10—15.
73. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 116, 115.
74. ШИШКО Л.Э. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев, с. 146.
75. ГОЛЬДЕНБЕРГ Л.Б. Воспоминания. — Каторга и ссылка, 1924, № 3, с. 89—91; ЗАХАРИНА В.Ф. Роман Эркмана-Шатриана «История крестьянина» и его переделка в народнической пропаганде. — Русская литература, 1964, № 2.
76. Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах. Т. 2. Dordrecht—Boston. 1974, с. 253. Л.Б. Гольденберг — П.Л. Лаврову, 1876 г.
77. ВЕРЕВКИН Б.П. Русская нелегальная революционная печать 70-х — 80-х годов XIX века. М. 1960, с. 54.
78. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 127.
79. ПЕРОВСКИЙ В.Л. Воспоминания о сестре. М.—Л. 1927, с. 61—62.
80. ГРОСУЛ В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев. 1973, с. 469—470; ЧУДНОВСКИЙ С.Л. Из давних лет. М. 1934, с. 287—289; Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3, с. 138—140.
81. АКСЕЛЬРОД П.Б. Пережитое и передуманное. Кн. 1. Берлин. 1923, с. 120; КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 127.
82. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 164, л. 1. Фигнер В.Н. Заметка о пересылке революционной литературы из-за границы; КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 127.
83. ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В.К. От бунтарства к терроризму. Кн. 1. М.—Л. 1930, с. 159—160. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 126—127.
84. ГАРФ, ф. 1762 (П.Л. Лавров), оп. 4, д. 244, л. 60. А.А. Кропоткин — П.Л. Лаврову, 15.VI.1874. Автограф.
85. ШИШКО Л.Э. Собр. соч. Т. 4, с. 21.
86. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом, с. 212—213.
87. КРОПОТКИН П.А. Записка, с. 112.
88. ФРОЛЕНКО М.Ф. Виктор Федорович Костюрин (Алеша Попович). В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 1. М. 1932, с. 218; ЕГО ЖЕ. Хожение в народ 1874 года. Там же, с. 202.
89. БЕЛОКОНСКИЙ И.П. Дань времени. М. 1928, с. 72—73.
90. БУХ Н.К. Автобиография. В кн.: Деятели СССР и революционного движения, с. 38.
91. ДЕЙЧ Л. «Хожение в народ», с. 3.
92. ЛАВРОВ П.Л. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л. 1925, с. 181.
93. ПЛЕХАНОВ Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России». В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 24, с. 97.
94. ФРОЛЕНКО М.Ф. Хожение в народ 1874 года, с. 202, 178; МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 1, с. 114; ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ А.И. Хожение в народ. М.—Л. 1929, с. 11.
95. ЧАРУШИН Н.А. Автобиография, с. 288.
96. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 134.
97. ШИШКО Л.Э. Собр. соч. Т. 4, с. 160; ЛЕВИН Ш.М. Общественное движение в России в 60-70-е гг. XIX в. М. 1958, с. 367; ИТЕНБЕРГ Б.С. Движение революционного народничества, с. 365; ГИНЕВ В.Н. Народническое движение в Среднем Поволжье, с. 64; ТКА-

- ЧЕНКО П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М. 1961, с. 45;
ПАНТИН И.К., ПЛИМАК Е.Г., ХОРОС В.Г. Революционная традиция в России. 1783—1883 гг. М. 1986, с. 242—243.
98. ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 24, с. 126; КЛЕМЕНЦ Д.А. Из прошлого, с. 123.
99. АПТЕКМАН О.В. Мои первые шаги на пути пропаганды, с. 133.
100. Цит. по: ЛЕВИН Ш.М. Ук. соч., с. 367.
101. БУХ Н.К. Автобиография, с. 38.
102. Там же, с. 38, 58; КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 128.
103. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 129; БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 62.
104. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1, с. 252.
105. БУХ Н.К. Воспоминания, с. 62.
106. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 1, с. 104.
107. КЛЕМЕНЦ Д.А. Из прошлого. Воспоминания, с. 28—29.
108. ФИГНЕР В.Н. Николай Александрович Морозов. В кн.: ФИГНЕР В.Н. Полн. собр. соч. Т. 4. М. 1932, с. 146; ЛАВРОВ П.Л. Народники-пропагандисты, с. 203.
109. Процесс 193-х. М. 1906, с. 105.
110. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 1, с. 94.
111. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 128.
112. ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В.К. От бунтарства к терроризму, с. 57; ЧАРУШИН Н.А. О далёком прошлом, с. 150, 152, 165; ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М.—Л. 1927, с. 53—57.
113. БИБЕРГАЛЬ А. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади. — Каторга и ссылка, 1926, № 7-8, с. 23; Автобиографическое заявление А.А. Квятковского, с. 162.
114. ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В. Воспоминания, с. 121; АКСЕЛЬРОД П.Б. Пережитое и передуманное, с. 277.
115. ФРОЛЕНКО М.Ф. Семидесятые годы и «Народная воля», с. 55.
116. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 135—137.
117. Южные бунтари называли подобные пункты «притонами».
118. ШИРОКОВА В.В. Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период. Саратов. 1976, с. 9—11.
119. Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. 1, с. 97—98.
120. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского, с. 161, 163.
121. ЛУКАШЕВИЧ А.О. Ук. соч., с. 14.
122. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 152.
123. Народоходец А.И. Баранников в его письмах. М. 1935, с. 143.
124. БУХ Н.К. Воспоминания, с. 68—69.
125. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ», с. 18, 20, 25—26.
126. См. колоритный рассказ: ЛУКАШЕВИЧ А.О. Ук. соч., с. 16—18.
127. Процесс 193-х, с. 46; КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 138.
128. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 80.
129. ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В. Воспоминания, с. 219, 139.
130. ПЕТРОВСКИЙ И.А. [ОКЛАДСКИЙ И.] Автобиография. — Суд идет! 1924, № 8-10, стб. 523. Позднее Окладский входил в «Народную волю», еще позднее стал предателем.
131. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 1, с. 105.
132. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. М. 1954, с. 195.
133. ЛУКАШЕВИЧ А.О. Ук. соч., с. 14—16.
134. ПОПОВ М.Р. Записки землевольца. М. 1933, с. 208—209.
135. УСПЕНСКИЙ Г.И. Из деревенского дневника. В кн.: УСПЕНСКИЙ Г.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М. 1940, с. 27—28.
136. ЭНГЕЛЬГАРДТ А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М. 1999, с. 41, 141.
137. АПТЕКМАН О.В. Мои первые шаги на пути пропаганды, с. 141, 136.
138. СЕРГЕЕВ Н.И. Из жизни людей семидесятых годов. В кн.: Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». М.—СПб. 2012, с. 54—55.
139. ЛУКАШЕВИЧ А.О. Ук. соч., с. 36; БРЕШКОВСКАЯ Е. Воспоминания пропагандистки. — Былое. Вып. 2. Ростов-на-Дону. 1906, с. 37—38.
140. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ», с. 23.
141. Архив РАН, ф. 543 (Н.А. Морозов), оп. 5, д. 200, л. 4. Фроленко М.Ф. Воспоминания из первого хождения в народ. 1874 г. Б.г. Машинопись с правкой автора.
142. Революционное народничество 70-х годов. Т. 1, с. 291—292. Дешифрованное письмо: П.И. Войнаральский. — К.В. Аркадакскому, 21.VII.1874.
143. ФРОЛЕНКО М.Ф. Семидесятые годы и «Народная воля», с. 55.

144. ФИГНЕР В.Н. Николай Александрович Морозов, с. 147.
145. Процесс 193-х, с. 47.
146. БУХ Н.К. Воспоминания, с. 91.
147. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 1, с. 121.
148. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ А.И. Хождение в народ, с. 271—272.
149. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом, с. 143.
150. Былое (Ростов-на-Дону), 1906, вып. 2, с. 27. С.Г. Ширяев — П.Л. Лаврову, 17.XII.1876.
151. ЧУДНОВСКИЙ С.Л. Ук. соч., с. 82.
152. ЧЕРНЯК А.Я. Николай Кибальчич — революционер и ученый. М. 1960, с. 26—27; Былое, 1918, № 4-5, с. 291. Показания Кибальчича.
153. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 164, л. 1—2.
154. ПОПОВ М.Р. Записки землеvolьца, с. 125; ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В.К. От бунтарства к терроризму. Кн. 1, с. 305.
155. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1, с. 277—278. С.Л. Аронзон — С.С. Голушеву, 7.VIII.1874; «Процесс 50-ти». М. 1906, с. 68.
156. МОРОЗОВ Н.А. Собр. соч. Т. 1, с. 119.
157. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 136.
158. ФИГНЕР В.Н. Николай Александрович Морозов, с. 147.
159. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ», с. 22; Архив Дома Плеханова, филиал Российской национальной библиотеки (АДП). Фонд Л.Г. Дейча, карт. 8, д. 461, л. 2об.—3. Дейч Л.Г. Революционное движение от начала 70-х годов. По личным воспоминаниям. Начало 1870-х годов — 1887 год [1920-е годы].
160. Из истории «Земли и воли» и «Народной воли», с. 360. Кибальчич — Александру III, 2.IV.1881.
161. Красный архив, 1926, т. 6, с. 196. Кравчинский — Засулич, 24.VII.1878.
162. ПЛЕХАНОВ Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна, с. 101.
163. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1, с. 278. П.А. Орлов — С.С. Голушеву, лето 1874 года.
164. УСПЕНСКИЙ Г.И. Из деревенского дневника, с. 135—136.
165. ЭНГЕЛЬГАРДТ А.Н. Ук. соч., с. 174, 178.
166. Там же, с. 386. В седьмом письме Энгельгардта говорится: «В моих письмах я уж много раз указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах; на их обособленность в действиях, на неумение, нежелание, лучше сказать, соединиться в хозяйстве для общего дела. На это же указывают и другие исследователи крестьянского быта... Действительно, делать что-нибудь сообща, огульно, как говорят крестьяне, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам» (там же, с. 258). См. ряд примеров и доводов Энгельгардта по этому вопросу: с. 174—175, 257—258, 263 и др.
167. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ», с. 22.
168. ЧАРУШИН Н.А. Автобиография, с. 288.
169. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг., с. 179, 140—141, 178.
170. КРОПОТКИН А.А. Программа революционной пропаганды, с. 4.
171. УСПЕНСКИЙ Г.И. Из деревенского дневника, с. 41.
172. ДЕБАГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ В. Воспоминания, с. 181.
173. АДП, ф. Л.Г. Дейча, карт. 8, д. 461, л. 3.
174. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1, с. 292—296, 312—315. Акт дознания, 26.VII.1874.
175. Там же, с. 272; БРЕШКОВСКАЯ Е. Ук. соч., с. 49—50.
176. АКСЕЛЬРОД П.Б. Пережитое и передуманное, с. 123—124.
177. БАКУНИН М.А. Бог и государство. М. 1906, с. 22, 58.
178. БАКУНИН М.А. Прибавление «А» к книге «Государственность и анархия», с. 48.
179. ЛАВРОВ П.Л. Вперед! Наша программа. В кн.: ЛАВРОВ П.Л. Избр. соч. Т. 2. М. 1934, с. 24, 25.
180. ГАРФ, ф. 112, оп. 2, д. 726, л. 65об. Вещественные доказательства по «Процессу 193-х». Письмо С.С. Голоушева матери, 26.I.1874.
181. См., например: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1, с. 170—171. Выдержки из записной книжки Н.А. Козлова. Не позднее 25.VII.1874.
182. Архіви України, 1969, № 5, с. 74. Воспоминания М.В. Ланганса.
183. АПТЕКМАН О.В. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Л. 1925, с. 177; ФЛЕРОВСКИЙ В. Три политических системы. Воспоминания. Лондон. 1897, с. 309.
184. Вперед! 1873—1877. Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова. Т. 1. Dordrecht. 1970, с. 92.
185. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера, с. 280.
186. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 1, с. 118.

187. АКСЕЛЬБРОД П.Б. Пережитое и передуманное, с. 96.
188. КРОПОТКИН А.А. Программа революционной пропаганды, с. 4—5.
189. ПОПОВ М.Р. Записки землевольца, с. 60.
190. Автобиографическое заявление А.А. Квятковского, с. 61.
191. ПОПОВ М.Р. Записки землевольца, с. 60—61.
192. Одним из первых о марксизме Фесенко писал Е. Колосов (КУЗЬМИН Д. [КОЛОСОВ Е.] Как не надо изучать историю (Библиографическая заметка). — Каторга и ссылка, 1926, № 3, с. 255, 256.
193. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ», с. 5—6.
194. Там же, с. 6; ЕГО ЖЕ. За полвека, с. 135.
195. ПЛЕХАНОВ Г.В. Русский рабочий в революционном движении. В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 3. М. Б.г., с. 140.
196. ДЕЙЧ Л. «Хождение в народ», с. 22—23.
197. Там же, с. 24, 33, 39.
198. БРЕШКОВСКАЯ Е. Ук. соч., с. 45—47.
199. ФРОЛЕНКО М.Ф. Движение 70-х годов. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 1, с. 181—182.
200. ШИШКО Л.Э. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев, с. 157.
201. ФАРЕСОВ И. Семидесятники. СПб. 1905, с. 292—331; ПРУГАВИН А. Неприемлющие мира. М. 1918, с. 45—76; ЛАВРОВ П.Л. Народники-пропагандисты, с. 261—263.
202. См.: СОЛОВЬЕВ К.А. «Я сказал: вы — боги?» Религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX века в России. М. 1998.
203. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов, с. 105.
204. Там же, с. 69; ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом, с. 119; Николай Васильевич Чайковский. Религиозные и общественные искания. Париж. 1929.
205. ТИХОМИРОВ Л.А. Заговорщики и полиция. М.-Л. 1928, с. 40.
206. ЛАВРОВ П.Л. Народники-пропагандисты, с. 263.